

Международный психоаналитический ежегодник

Избранные статьи
из Международного
журнала психоанализа

Шестой выпуск

Главный редактор
Игорь Кадыров

Психоаналитический ежегодник

Сборник статей

**Международный
психоаналитический ежегодник.
Шестой выпуск. Избранные
статьи из «Международного
журнала психоанализа» (сборник)**

«НЛО»

Сборник статей

Международный психоаналитический ежегодник. Шестой выпуск. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа» (сборник) / Сборник статей — «НЛО», — (Психоаналитический ежегодник)

ISBN 978-5-4448-0479-7

Шестой выпуск «Международного психоаналитического ежегодника» объединяет под одной обложкой более двадцати работ, посвященных наиболее животрепещущим проблемам современного психоанализа. Эти работы были отобраны редакцией «Ежегодника...» из статей, опубликованных в «Международном журнале психоанализа» за последние два года. Как и статьи предыдущих пяти выпусков, они представят российскому читателю многостороннюю и динамичную панораму современного психоанализа, позволят увидеть, как сегодня он практикуется и осмысливается в различных психоаналитических культурах, традициях и странах.

ISBN 978-5-4448-0479-7

© Сборник статей
© НЛО

Содержание

От главного редактора «Международного психоаналитического ежегодника»	6
Теоретические и клинические статьи	23
Обнаружение бессознательной фантазии на сеансе: распознавание формы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Международный психоаналитический ежегодник. Шестой выпуск. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа»

© The Institute of Psychoanalysis, London

© The Institute of Psychoanalysis, London, and Moscow Psychoanalytic Society (compiling of the Annual and Russian Translation)

© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение», 2016

**От главного редактора «Международного
психоаналитического ежегодника»
Бессознательная фантазия, символизация
и пресимволический опыт на
аналитическом сеансе и в жизни**
Игорь Кадыров

Igor Kadyrov. Unconscious phantasy, symbolization and pre-symbolic experience in the session and life. Editorial

Шестой выпуск «Международного психоаналитического ежегодника» объединяет под одной обложкой более двадцати работ, посвященных наиболее животрепещущим проблемам современного психоанализа. Эти работы были отобраны редакцией «Ежегодника...» из статей, опубликованных в «Международном журнале психоанализа» за последние два года. Как и статьи предыдущих пяти выпусков, они представят российскому читателю многостороннюю и динамичную панораму современного психоанализа, позволят увидеть, как сегодня он практикуется и осмысливается в различных психоаналитических культурах, традициях и странах. Если же попытаться выделить сквозные организующие темы или основные фокусы практически всех статей настоящего выпуска, то это проблемы бессознательной фантазии, символического и пресимволического психического опыта, а также психического прошлого и воспоминания, как они проявляются на психоаналитическом сеансе и в жизни.

В совокупности и по отдельности эти темы тесно связаны и наполняют содержанием, хотя и не исчерпывают полностью центральную для всего психоанализа категорию – категорию *бессознательного*. В психоанализе бессознательное понимается как область локализации патологии, мотивации (влечений), креативности, а также корней символизации и сновидения как закодированной системы внутренних символов. Более того, бессознательное понимается как основной *предмет* аналитического действия, который улавливается, исследуется и трансформируется через интерпретирование его манифестаций в переносе (и, как следствие, в контрпереносе) – как в «здесь и теперь» аналитического сеанса, так и в «тогда и там» бессознательного прошлого или истории бессознательной фантазии.

С психоаналитической точки зрения именно *бессознательное* или, точнее, система «Бессознательное» [система Бсз]¹ в разнообразных его проявлениях конституирует саму основу психической реальности. К главным же конституентам *бессознательного* и к основным фокусам аналитической работы как раз и относятся бессознательные фантазии, а также различные психические образования и процессы, в терминологии Фрейда – дериваты, непосредственно связанные с влечениями и крепко укорененные в *вытесненном* (онтогенетическом) и *невытесненном* (филогенетическом) бессознательном. Постулируя и описывая идею не только *вытесненного*, но и так называемого *невытесненного* (изначального, «доисторического» или «внеисторического») бессознательного, Фрейд указывает не только на психическую историю конкретного человека, в том числе на самые ранние ее этапы, но и на общее прошлое человека как вида, обращаясь одновременно к бессознательному *прошлому* и к *прошлому бессознатель-*

---

¹ Это понятие Фрейд вводит как отличное от чисто описательного понимания бессознательного. Он также определяет систему Бсз как радикально отличающуюся от другой психической системы – объединенной системы Предсознательное – Сознание (система Псз – Сз). Однако в некоторых местах он говорит о системе Псз и системе Сз все-таки как об отличающихся друг от друга системах (Фрейд, 1911/2007, 1915/2007).

ного. Если психические реликты этого прошлого и являются, с точки зрения Фрейда, продуктами вытеснения, то это продукты так называемого первичного или доисторического вытеснения (*Urverdrängung*). Фрейд называет их своеобразными «аборигенами психики» (Фрейд, 1915/2007), которые образуют центры притяжения для всех последующих, если можно так сказать – уже *исторических* вытеснений.

В каком-то смысле словосочетание «бессознательное прошлое» – оксюморон. Во всяком случае, с точки зрения Фрейда, одной из феноменологических характеристик системы *Бсз* [помимо отсутствия в ней взаимных противоречий между репрезентациями различных влечений, главенства первичного процесса и механизмов смещения и сгущения, а также замещения внешней реальности реальностью психической] является отсутствие временной организации. В 1915 году в статье «Бессознательное» Фрейд отмечает: «Процессы системы *Бсз* находятся вне времени, то есть они не упорядочены во времени, вообще не связаны со временем» (Фрейд, 2007, с. 32). В то же время он дифференцирует различные содержания бессознательного (а также предсознательного) и выделяет уровни их топографической и, как мы видели, также исторической (доисторической и т. д.), или временной, стратификации. Фрейд выдвигает предположение о многоуровневой локализации «записей» психических событий и процессов в разных стратах ментального аппарата и дифференцирует уровни и пространственно-временные параметры первичного и вторичного цензурирования и вытеснения. В частности, он описывает, как определенные дериваты бессознательного могут «добиваться высокой степени организации» (Фрейд, 2007, с. 38), «обходить цензуру» (Там же) между бессознательным и предсознательным, мимикрируя при этом под сознательные представления или идеи, но сохраняя свою базовую бессознательную природу, и уже только на границе между сознанием и предсознательным распознаваться как отпрыски или дериваты бессознательного и подвергаться новой цензуре.

Опираясь на пример расовой организации и сегрегации в современном ему обществе, Фрейд в статье «Бессознательное» пишет: «Среди дериватов *бсз* импульсов влечений... есть такие, которые объединяют в себе противоположные определения. С одной стороны, они высокоорганизованы, непротиворечивы, обладают всеми свойствами системы *Сз*, и едва ли мы смогли бы отличить их от образований этой системы. С другой стороны, они бессознательны и неспособны осознаваться. То есть качественно они относятся к системе *Псз*, но фактически – к *Бсз*. Их происхождение остается решающим в определении их судьбы. Их можно сравнить с помесями человеческих рас, которые в общем уже похожи на белых, но их цветное происхождение выдает та или иная бросающаяся в глаза черта, и поэтому они остаются исключенными из общества и не пользуются ни одной из привилегий белых. Таковы по своему характеру *фантазии* (курсив мой. – *И.К.*) нормальных людей и невротиков, которые мы выявили в качестве предварительной ступени образования снов и симптомов и которые, несмотря на свою высокую организацию, остаются вытесненными и как таковые осознаваться не могут...» (с. 35). Интересно, что Фрейд прямо указывает здесь на *бессознательные фантазии*, которые, как он говорит в следующей фразе, вместе с другими бессознательными дериватами «близко подступают к сознанию, не встречая помех» (с. 35), но отбрасываются, «как только их катексис превышает определенный уровень», или прорываются в сознание (в виде замещающих образований) «благодаря благоприятным обстоятельствам» (с. 36).

Позже понятие бессознательных фантазий, а также представление об уровнях их символизации – и не только у нормальных людей и невротиков, но и у пациентов с психозами и пограничной (неневротической) организацией – получит развитие в кляйнианской школе, а также в некоторых других традициях (см.: Vohleber et al., 2016).

Следует отметить, что идея Фрейда о способности дериватов бессознательного достигать разных степеней организации, в том числе достаточно высоких, и его идея о возможности их проникновения в высшие психические слои (в предсознательное и даже в сознание) подразу-

мевают также идею о разных уровнях их психической репрезентации – прежде всего о разных уровнях организации их предметной презентации (*thing presentation*), а также возможности их частичной, иногда парадоксальной или аномальной (как в случае афазии или шизофрении) связи со словесными презентациями (*word-presentation*). Эти идеи Фрейда и допущение им существования огромного количества «автономных» латентных ментальных состояний и процессов позволили таким авторам, как Бион, Матте-Бланко и Вермот, плодотворно развивать модели, описывающие сложное, полифоническое сосуществование разнообразных уровней или модусов психической активности с различными градациями, удельным весом и характером сочетания в них бессознательных и сознательных компонентов.

Еще раньше эти же идеи позволили Мелани Кляйн ввести понятие «глубокое бессознательное». В отличие от, если можно так сказать, *поверхностного* бессознательного – полусознательных, большей частью предсознательных образований (полуправды, заблуждений, самообманов или воспоминаний из прошлого, которые кажутся новыми, но которые на самом деле никогда не были полностью забытыми, а только оказались рекатегоризованы – Sodore, 2008) – глубокое бессознательное понимается Кляйн и ее последователями как наименее модифицированная опытом и последующим развитием психическая область, как резервуар реликтовых психических образований и наиболее архаичных бессознательных фантазий.

Идея глубокого бессознательного у Кляйн во многом схожа с понятием системы *Бсз* Фрейда и особенно с *Ид* («Оно») – концептуальным приемником системы *Бсз* во второй топике Фрейда. Во второй топике *Ид* становится областью локализации и представителем в психическом аппарате влечений, глубоко укорененных в телесных состояниях и процессах. Во «Вводных лекциях по психоанализу» Фрейд пишет: «Мы представляем себе, что у своего предела *Ид* (*Оно*) открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате» (Фрейд, 1933/1989, с. 345). Оно импульсивно, отрицает логические противоречия между импульсами и мыслями, подчинено первичному мыслительному процессу и принципу удовольствия-неудовольствия. В нем также нет «никакого признания течения во времени и... нет никакого изменения психического процесса с течением времени» (с. 346). Фрейд отмечает: «Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения» (с. 346).

В незавершенном и уже посмертно напечатанном «Очерке психоанализа» Фрейд добавляет: «*Ид* (*Оно*), отрезанное от внешнего мира, обладает своим собственным миром восприятия. С чрезвычайной точностью оно замечает определенные изменения внутри собственного интерьера, особенно сдвиги в напряжении своих инстинктивных потребностей (влечений – от нем. *Triebe*), и эти изменения осознаются как серии переживаний (чувств) удовольствия-неудовольствия. Трудно сказать с уверенностью, каким способом, с помощью каких сенсорных окончаний и каких органов эти восприятия появляются. Но это установленный факт, что самовосприятия – кинестетические чувства и чувства удовольствия-неудовольствия – управляют потоком событий в *Ид* с деспотичной силой. *Ид* подчиняется неумолимому принципу удовольствия» (Freud, 1940 [1938], p. 198).

Как мы видим, Фрейд сохраняет известную степень неопределенности и в отношении собственной системы восприятия (точнее, само-восприятия) в *Ид*, и в отношении «субстрата» психического выражения (репрезентации) влечений. Тем не менее он делает огромный прорыв в понимании бессознательной, в том числе сновидной, образности как первого психического выражения влечений или инстинктивных потребностей в виде фрагментов сцен, фиксирующих

и воплощающих как символически, так и более или менее конкретно различные аспекты этих влечений. Фрейд первым обращает внимание на роль фантазирования и фантазий, которые тесно связаны с сексуальными влечениями и большей частью аутоэротичны.

В третьем и четвертом выпусках «Ежегодника...» уже затрагивалась проблематика бессознательной фантазии, а также специфики ее трактовки и интерпретирования в кляйнианской и некляйнианской традициях (Кадыров, 2013, 2014). Попытка концептуальной интеграции в отношении понятия «бессознательная фантазия» в различных психоаналитических школах была предпринята в статье Болебера с коллегами «Бессознательная фантазия и ее концептуализации: попытка концептуальной интеграции», опубликованной в «Международном журнале психоанализа» (Bohleber et al., 2016), но еще не переведенной на русский язык. Здесь я лишь кратко обозначаю специфику фрейдовского и кляйнианского подходов к бессознательным фантазиям и связанным с ними другим бессознательным образованиям.

Кляйнианский психоаналитик и специалист по истории психоанализа Риккардо Стайнер отмечает, что Фрейд позаимствовал слово *фантазия* (*die Phantasie*) и глагол *фантазировать* (*phantasieren*) из не-аналитических источников (Steiner, 2003). Древнегреческое слово *φαντασία* (фантазия, воображение) у Платона понимается как чистая ментальная активность, не имеющая отношения к внешней реальности. С некоторыми смысловыми вариациями этот термин используется Аристотелем, а также в древнеримской и латинской философских традициях. Оттуда слово *fantasia* проникает в европейскую романтическую традицию. При этом в разных европейских языках оно получает хотя и близкую, но тем не менее слегка отличающуюся смысловую ауру и область применения. Например, во французском языке *fantaisie* обозначает скорее каприз, причуду, эксцентричность. Хотя то же слово подразумевает также и творческую активность, и ее продукты, во французский психоаналитический вокабуляр вошло не оно, а термин *fantasme*, содержащий коннотации философского порядка – более, нежели немецкое *Phantasie*, которое использовал Фрейд (Laplansh, Pontalis, 1973; цит. по: Steiner, 2003).

Оксфордский словарь английского языка (<http://www.oed.com>) содержит два идентичных по звучанию, но отличающихся на письме слова: *fantasy* (капризность, причудливая изобретательность) и *phantasy* (психологическая феноменология – воображение, визионерское суждение). В британском психоаналитическом словоупотреблении, начиная со Стрейчи и его работы над переводами Фрейда, закрепляется определенная, хотя и дебатированная традиция использовать слово *fantasy* (начинающееся с буквы f) для обозначения продуктов произвольного и сознательного фантазирования и слово *phantasy* (через ph) – для бессознательной фантазии.

Как отмечает Стайнер, в немецкий язык слово *die Phantasie*, производное от французского *fantaisie*, попадает в XVI–XVII веках. Согласно братьям Гримм, знакомым Фрейду по их сказкам с ранних лет (Grimm, Grimm, 1889; цит. по: Steiner, 2003), в немецком существительное *die Phantasie*, так же как и глагол *phantasieren*, подразумевают «свободную» и часто «неизвестную» и «непроизвольную» форму ментальной активности (что делает это значение близким к понятию бессознательной фантазии и фантазирования у Фрейда). Но они также определяют содержание сновидений или бреда психически больных. Гёте, Шиллер, Гофман, Лессинг, Гейне и ряд других авторов, которых Фрейд читал и ценил с юности, также пользуются обоими этими словами при описании состояний творчества, сновидения, сумасшествия и влюбленности.

Почитаемый учителями Фрейда и самим Фрейдом Иммануил Кант в своей «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) определяет фантазию как непроизвольную активность, продуцирующую не вполне подконтрольные сознанию продукты воображения.

Использование Фрейдом терминов *фантазия* и *фантазирование* (например, «сексуальная фантазия») и близких понятий (таких, как «приватный театр», различие «правды» и «фикции») прослеживается до его «Исследований истерии» (Фрейд, Брейер, 1895/2005) и переписки с Флиссом в 1897 году (Steiner, 2003). В небольшой, но впечатляющей по своей глу-

бине статье «Положения о двух принципах психического события» (Фрейд, 1911/2007) Фрейд показывает, что, как и другие самые ранние формы мышления, фантазии и само фантазирование остаются во власти принципа удовольствия и преимущественно бессознательными. Даже у взрослого такое фантазирование, проявляющееся в виде более или менее осознанных и контролируемых дневных грез, способно затормаживать появление и развитие подчиненных принципу реальности, но вызывающих неудовольствие представлений и вновь подчинять принципу удовольствия мыслительные процессы, уже ставшие рациональными. «Поэтому, – подчеркивает Фрейд, – так трудно отличить бессознательные фантазии от воспоминаний, ставших бессознательными» (Фрейд, 1911/2007, с. 10). Нюансы проблемы воспоминания в современном психоанализе обсуждаются в настоящем выпуске в разделе «Современные диалоги». Фрейд четко обозначает роль бессознательных фантазий в симптомообразовании и в психической жизни в целом, поскольку, с его точки зрения, они возникают как часть бессознательного процесса трансформирования инстинктивных потребностей в психические факты и события.

В своей концепции бессознательной фантазии и символической функции Мелани Кляйн подхватывает и развивает эту линию Фрейда. Так же, как и представители ее школы, особенно Ханна Сигал и Бетти Джозеф. Вклад двух этих выдающихся, недавно ушедших из жизни представительниц кляйнианской школы, в частности их взгляды на роль бессознательных фантазий и их активации в «здесь и теперь» аналитических отношений, обсуждаются в статьях британских психоаналитиков Джона Стайнера «Размышления о работе Ханны Сигал (1918–2011)», Дэвида Л. Белла «Разум и Страсть: в память о Ханне Сигал» и Дэвида Такетта «Бетти Джозеф 1917–2013» (см. в этом выпуске).

Общие идеи и отличия во взглядах и технических подходах Сигал и Джозеф, в частности к интерпретированию бессознательной фантазии в исторической перспективе («тогда и там») или в «здесь и теперь» аналитического сеанса, исследовались также в предыдущих выпусках «Ежегодника...» (Бласс, 2013; Такетт, 2013; Джозеф, 2014; О’Шонесси, 2014; Кадыров, 2013, 2014).

Как замечает Бриттон, и *глубокое бессознательное* Кляйн, и *Ид* Фрейда «понимаются как латентные образования, лишенные прямой связи с перцептивной и идеационной реальностью, за исключением связи через Эго» (Britton, 2003, p. 76). «И Фрейд, и Кляйн, – продолжает свою мысль Бриттон, – полагали, что это архаическое содержание может находить путь и проникать в Суперэго» (Там же). Кляйн, так же как Фрейд, дифференцирует маломодифицируемые содержания «глубокого бессознательного» и более поверхностные и модифицируемые в ходе развития латентные образования. И та и другая сфера рассматриваются ими в качестве главного резервуара психической жизни. Для Кляйн, как и для Фрейда, важнейшей чертой бессознательного является его вневременной и вездесущий характер: какими бы реликтовыми, архаичными и, казалось бы, глубоко инкапсулированными ни были населяющие глубокое бессознательное фантазии и образования, они сохраняют свою изначальную действенную силу и хотя бы потенциальную готовность к активизации в психической жизни «здесь и теперь».

Однако с точки зрения Кляйн, речь идет не столько о свободных и непривязанных влечениях Ид, сколько о заряженных влечениями внутренних объектных отношениях, которые с самого раннего младенчества аккумулированы и представлены в виде бессознательных фантазий.

С точки зрения Фрейда (Фрейд, 1915/2007), фантазии, как и другие психические продукты, могут быть сознательными. Они могут перемещаться в слой «предсознательного» и оттуда снова возвращаться в «сознание», как это происходит с дневными грезами и мечтами. Сознательные фантазии сформированы и управляются законами «вторичного процесса», то есть принципами системы *Сз*, хотя, как правило, мотивированы принципом удовольствия. Фантазии могут быть «намеренно» вытесненными в бессознательное, где «бывшие» дневные грезы пропитываются и связываются с влечениями и инстинктивными желаниями и подчиня-

ются законам «первичного процесса», постепенно проникая в сновидения и другие бессознательные дериваты и образования (например, симптомы, ошибочные действия, ассоциации). Наконец, они могут быть изначально сформированы в *Бсз*, в сфере так называемого «невыветченного» бессознательного. Это фантазии, которые всегда и целиком были бессознательными. Фрейд предполагает, что они являются продуктами филогенеза, и называет их первичными фантазиями («*Urphantasien*»), к которым относит фантазии о первичной сцене, о кастрации, о соблазнении и некоторые другие. Как полагает Фрейд, первичные фантазии способны напрямую включаться в сновидения и в другие дериваты бессознательного (Фрейд, 1916–1917/1989). Эти фантазии могут не отражаться в «воспоминаниях» пациента, или ассоциативный материал пациента о них может быть очень скудными, однако благодаря знанию психоаналитиком основных принципов бессознательного символизма они могут быть отслежены в сновидениях, симптоматике, ошибочных действиях или в творческом процессе. Способность к символизации в мышлении, речи и, шире, в коммуникации (внешней и внутренней) признается сегодня одним из главных эволюционных и культурных достижений вида *homo sapiens*. Фрейд первым обратил внимание на роль, структуру и функции бессознательного символизма не только в сновидениях, но и в психопатологии, а также в психическом развитии в целом. Он считал, что законы бессознательного символизма универсальны, а сама способность к нему приобретена человеческим видом в ходе филогенеза (Фрейд, 1916–1917/1989), и подчеркивал тем самым тесную родственную связь между первичными бессознательными фантазиями и бессознательным символизмом.

Идеи Фрейда о символизме, о развитии символической функции и о ее нарушении в жизни и психоаналитическом процессе станут областью особого интереса для Кляйн и ее последователей (Klein, 1930; Segal, 1957, 1978; Steiner, 2007). Риккардо Стайнер установил, что ядро системы *Бсз* и бессознательной фантазии обозначается Фрейдом довольно рано – уже в 1897 году в его переписке с Флиссом (Masson et al., 1985; цит. по: Steiner, 2003). Фрейд подчеркивает, что это универсальное событие, связанное с событием раннего детства и присутствующее в психике взрослого. Это событие – влюбленность ребенка в свою мать и ревность к отцу. В том же письме впервые упоминаются трагедии – Софокла «Царь Эдип» и «Гамлет» Шекспира, а также открытия, сделанные Фрейдом в самоанализе. Стайнер также обращает внимание, что помимо прямого указания на центральное универсальное психическое событие в этой формулировке Фрейда содержится и имплицитное указание на универсальные аккомпанементы данного события – бессознательное чувство вины и ужасные фантазии об отмщении и наказании за эти чувства и желания. Эти чувства и фантазии образуют устойчивые во времени и присутствующие практически во всех культурах мотивы, питающие не только симптомы психических расстройств, но и творчество, породившее величайшие произведения европейского искусства и европейской литературы.

Для Кляйн бессознательная фантазия становится еще более центральным и вместительным понятием, чем это было у Фрейда. Можно сказать, что именно бессознательные фантазии и становятся в ее концепции главным «субстратом», носителем и средством выражения наиболее глубоких слоев бессознательного и влечений, аккумулярованных в объектах и объектных отношениях. В отличие от Фрейда у Кляйн фантазия не рядоположна сновидению. Если у Фрейда понятие фантазии, подобно сновидению, характеризует скорее психическую активность по исполнению желания, то для Кляйн бессознательные фантазии лежат в основе не только сновидений, но всего мышления и, шире, всей психической деятельности – как креативной, так и деструктивной. Именно они активизируют объектные отношения и в аналитической ситуации, и в жизни. Кроме того, как я уже писал в другом месте: «Если воспользоваться идеей Фрейда об “эндопсихическом восприятии” (Человек-крыса), то фантазию можно понять как форму бессознательной мыслительной активности, которая в форме аффективно заряженных, готовых как к внутриспсихическому, так и поведенческому разыгрыванию сце-

нариев репрезентирует психике ее собственную работу – репрезентирует влечения, тревоги, защиты, объектные отношения и т. д. Поэтому можно сказать, что конкретное содержание, динамика и внутренняя история доминирующих бессознательных фантазий человека накладывают глубочайший отпечаток на личность пациента и его отношения с другими» (Кадыров, 2014, с. 12).

И хотя многие из этих фантазий могут модифицироваться в ходе последующего развития ребенка, часть уклонившихся от развития и «нереконструированных» (Britton, 2003) фантазий сохраняется в их наиболее реликтовой или архаической форме в глубоком бессознательном. «Оттуда, – пишет Бриттон, – они могут вторгаться в Эго, когда оно обезоружено сном, наркотиками или делирием, сметено психозом или переполнено несчастьями. Когда они вторгаются, в эти моменты они переживаются не как фантазии, а как факты; другими словами, человек верит, что это – события. Эти архаические объекты могут представлять в виде таких фигур, как монстры Хаоса... а также как фигуры сверхъестественной красоты» (Britton, 2003, р. 76). Когда бессознательные фантазии проникают и наполняют своим содержанием Супер-Эго, вторжение может переживаться в виде монструозных атак «свыше» – со стороны патологического и Эго-деструктивного Супер-Эго (Bion, 1959), узурпировавшего, если можно так сказать, во внутреннем мире одновременно и «трон», и «алтарь».

В процессе анализа и в жизни, в том числе при упомянутых выше обстоятельствах, ведущих к ослаблению или срыву в функционировании Эго, такие часто маломодифицированные психическим развитием и неассимилированные бессознательные образования (бессознательные дериваты в терминологии Фрейда или фантазии – в терминах Кляйн) – в зависимости от доступного уровня их символизации, а также от степени фигуративности их психической репрезентации – могут актуализироваться в форме симптомов (невротических, психотических, психосоматических и т. д.), в виде воспоминаний, в том числе в виде памяти без воспоминаний (см.: Ботелла, Хок, Хабермас, Скарфоне в этом выпуске) или в виде «памяти в чувствах» (в терминологии Кляйн, 1957).

Бессознательные фантазии и образования могут проявляться в психике пациента и коммуницироваться аналитику как в символической, так и в пресимволической (или, в терминологии Кристевой и Бронштейн, «семиотической») формах. В своей пресимволической форме бессознательные фантазии часто актуализируются в виде более или менее непосредственных, конкретно-телесных манифестаций, например в виде соматических состояний и симптомов. Различные аспекты активной в данный момент бессознательной фантазии, особенно с бедной символизацией, воплощаются на аналитическом сеансе в форме «разыгрываний» между пациентом и аналитиком.

Работы, которые мы публикуем в настоящем выпуске, посвящены разным аспектам описанной выше проблематики.

Раздел «Теоретические и клинические статьи» открывает работа «Обнаружение бессознательной фантазии на сеансе: распознавание формы» Каталины Бронштейн – кляйнианского психоаналитика и президента Британского психоаналитического общества. Она исследует формы, которые бессознательные фантазии приобретают на аналитическом сеансе, а также регистры их разыгрывания в отношениях переноса и контрпереноса. Используя детальный клинический материал, Бронштейн обращается к экспрессивной функции ранних, неассимилированных пресимволических фантазий, которые могут активизироваться и коммуницироваться аналитику одновременно с более зрелыми формами символизации. Применяя идеи Кристевой о семиотических и символических аспектах бессознательной коммуникации, она расширяет кляйнианский взгляд на формирование символа. Она также показывает, как в аналитическом процессе, благодаря работе аналитика с мощным контртрансферентным резонансом, вызываемым проекцией в него примитивных, в значительной степени телесных бес-

сознательных фантазий, становится возможным переход пациентки к более зрелым уровням символического функционирования.

Проблема символизации в психоаналитической теории и практике, особенно самых ранних и архаичных аспектов процесса символизации у пациентов, не вписывающихся в рамки классической метапсихологии, пациентов со склонностью к аутистическим, меланхолическим, асоциальным и соматическим решениям, исследуется в статье Рене Руссийона «Введение в работу о первичной символизации». Рене Руссийон – член Парижского психоаналитического общества и профессор клинической психопатологии и клинической психологии в Лионском университете Люмьер. Развивая классические работы Оланье и Анзье по психической репрезентации, а также опираясь на работы Биона и Винникота, он сосредотачивает внимание на вещественно-телесных, сенсомоторных и других ранних компонентах психического опыта. Он показывает, как в процессе анализа – с помощью работы по нахождению вещественных, вербальных, а также пластических означающих, с помощью процесса сценификации и других аспектов первичной символизации раннего опыта пациента во внутреннем опыте аналитика (с помощью также вербальной и пластической репрезентации этого опыта аналитиком на сеансе) – происходит важная психическая трансформация, помогающая пациенту присвоить собственный психический опыт и коммуницировать его другим людям.

Статьи Бронштейн и Руссийона показывают, как каждая из психоаналитических традиций, в которых работают эти авторы, – британская кляйнианская в случае Бронштейн и французская фрейдовская в случае Руссийона – оказывают взаимное влияние и обогащают друг друга, по крайней мере в области теоретического и клинического исследования процесса символизации очень раннего и архаического бессознательного опыта.

Рубрика «Психоаналитические дискуссии», представляющая собой площадку для обсуждения различных, нередко прямо противоположных теоретических и клинических позиций, продолжает исследование места и роли бессознательных фантазий, а также уровня и регистра их проявления и репрезентации в переносе и контрпереносе. Конкретно в этом разделе ставится и с разных теоретических и клинических позиций обсуждается вопрос: как и почему бессознательная фантазия и перенос определяют суть психоаналитической практики? Рэйчел Бласс – ведущая этой рубрики в «Международном журнале психоанализа», во введении к данной дискуссии объясняет: ее цель – создать условия для размышлений о том, что лежит в основе различий между взглядами разных современных аналитиков на психоаналитическое понятие бессознательного и бессознательной фантазии и почему одни современные психоаналитики и школы видят в них краеугольный камень психоанализа, а другие – нет. Для исследования этих вопросов редакция пригласила трех авторов, представляющих разные подходы.

Открывает дискуссию психоаналитик из Нью-Йорка Люси Лафарж. Она – клинический профессор психиатрии в Медицинском колледже Уэйл-Корнелла и тренинг-аналитик и супервизор в Центре психоаналитического обучения и исследований Колумбийского университета. Лафарж относит себя к теоретикам Североамериканской школы объектных отношений, которые, как она считает, признают центральную роль фантазии и всепроникающей субъективности аналитика. В своей презентации она поясняет собственную теоретическую позицию в отношении «дуального» (т. е. сознательного и бессознательного) аспекта любого опыта переживания, включая бессознательную фантазию. Клиническая иллюстрация Лафарж призвана прояснить ее теоретические взгляды и продемонстрировать центральную роль трансферентных аспектов бессознательной фантазии и их интерпретации в психоаналитическом процессе.

Обсудить доклад Лафарж редакция пригласила Доннела Стерна – североамериканского реляционного и интерперсонального психоаналитика, тренинг-аналитика и супервизора в Институте Уильяма Алансона Уайта в Нью-Йорке, и Майкла Фельдмана – обучающего аналитика и супервизора из Британского психоаналитического общества, председателя Траста Мелани Кляйн в Лондоне. Poleмику завершает краткий ответ Лафарж обоим дискуссионным участникам.

Следуя за аргументацией каждого из этих авторов, а также размышляя над различиями – явными (в случае Лафарж и Стерна) и более тонкими, но, возможно, еще более фундаментальными по сути (Лафарж и Фельдман) – в понимании природы бессознательной фантазии и нюансов ее интерпретирования, а также обращаясь к вводным комментариям Бласс, читатель сможет лучше понять современный контекст и основные концептуальные и клинические проблемы, стоящие за этой дискуссией.

В рубрике «Аналитик за работой», с форматом и задачами которой читатель может быть знаком по предыдущим выпускам «Ежегодника...», а также по регулярным одноименным конференциям, которые Московское психоаналитическое общество и «Международный журнал психоанализа» проводят в Москве с 2004 года, мы публикуем клинический материал Лилы Хойжман – аргентинского психоаналитика, которая теперь живет и работает в Париже. Хойжман, назвав свою клиническую презентацию «Случай Аликс: психоаналитическая трансформация, когда с ребенком становится трое», дает читателю прекрасную возможность погрузиться в атмосферу ее трудного, но увлекательного и трогательного анализа с 30-летней пациенткой, которая работает с неразрешимой дилеммой: завести ли ребенка в паре с партнером (*à deux* – вдвоем или на двоих) или расстаться с ним.

Этот выразительный клинический материал, а также его обсуждение (в нем приняли участие член Буэнос-Айресской психоаналитической ассоциации, член и супервизирующий аналитик Психоаналитического института Северной Калифорнии Роберт Ольснер и кляйнианский психоаналитик, обучающий и супервизирующий аналитик в Британском психоаналитическом обществе Инес Содрэ) показывают, как первоначальная дилемма пациентки – даже после, казалось бы, ее успешного разрешения на сознательном и поведенческом уровнях – продолжает пронизывать весь анализ. Читатель сможет проследить, как эта дилемма, сопровождаемая рядом вполне сознательных фантазий (например, об идеальной атипичной семье без отца), подпитывается первичной идентификацией пациентки с матерью-одиночкой и с мощными бессознательными фантазиями о себе как вечном материнском партнере и о первичной сцене в различных ее вариациях.

Рубрика «Современные диалоги», которую мы впервые представляем в этом выпуске, обращается к проблеме памяти и процесса припоминания в психоанализе. Как я уже упомянул, сам Фрейд тесно связывал бессознательные фантазии и воспоминания, ставшие бессознательными. Он подчеркивал, что бессознательное воспоминание, превратившееся в событие глубокой психической реальности, становится схожим и трудноотличимым от бессознательной фантазии (Фрейд, 1911). Сезар Ботелла, член Парижского психоаналитического общества, открывает «Современные диалоги» своей статьей «О припоминании: понятие памяти без воспоминаний». Эта работа не только знакомит с авторской концепцией Ботелла, включающей такие понятия, как «память без воспоминаний», «нерепрезентация» (или/и нерепрезентируемость), работа фигурабельности (*figurabilité* – *франц.*, в английском переводе *figurability* – способность к фигуративной репрезентации, фигуративная представимость), но и задает проблемные фокусы и контуры всего диалога. Текст Ботелла дает возможность сформулировать и кратко изложить свои позиции по проблеме памяти, воспоминаний и их месте в психоаналитическом лечении трем другим авторам. Это немецкий психоаналитик, последователь Лапланша и преподаватель Международного психоаналитического университета в Берлине Удо Хок, который участвует в диалоге со статьей «В защиту единства фрейдовской теории памяти»; его коллега, профессор психоанализа в Университете Гёте во Франкфурте-на-Майне Тильманн Хабермас, выступивший с работой «Грезы о чужом прошлом: почему припоминание может по-прежнему сохранять актуальность для психоаналитического лечения – по крайней мере в некоторых традициях»; и канадский психоаналитик, обучающий аналитик и супервизор в Монреальском психоаналитическом институте, почетный профессор Монреальского

университета Доминик Скарфоне со статьей «Работы припоминания и возрождение психоаналитического метода».

Как можно судить уже по названиям этих статей, каждый участник диалога – далеко не во всем соглашаясь с остальными – придает *работе воспоминания* высокий статус. И каждый, возможно за исключением Хабермаса, тесно связывает с этой работой (которую аналитик совершает как со своим пациентом в консультативном кабинете, так и в процессе теоретических размышлений и диалогов) саму возможность сохранения или возрождения психоаналитического метода – по духу и по сути фрейдовского метода². Однако этот диалог показывает не только то, насколько различается их понимание классического фрейдовского метода и его теории памяти, но и то, насколько в современном психоанализе усложнилось и расширилось понимание самой сути этой работы, особенно в связи с расширением спектра и категорий пациентов и усложнением клинических проблем, с которыми сталкивается психоаналитик в своей практике сегодня.

Главным фокусом Ботелла как раз и является работа психики на аналитическом сеансе. Прежде всего это работа психики аналитика, поскольку пациенты, к которым обращается его модель «памяти без воспоминаний», часто не способны проводить ее самостоятельно, во всяком случае в начале аналитического лечения. Ботелла – соавтор (вместе с Сарой Ботелла) опубликованной ранее книги «Работа психической фигурабельности: психические состояния без репрезентации» (Botella, Botella, 2001/2005) – выстраивает свою модель, исходя не только из клинического опыта со взрослыми пациентами неневротического (преимущественно пограничного) спектра, но и из психотерапевтического опыта с детьми-психотиками, обогащенного работой Фрэнсис Тастин с детьми-аутистами. Хотя в его работе заметно влияние представителей Британской традиции – прежде всего Кляйн, Биона, Винникотта и Тастин, его подход глубоко укоренен в широкой французской психоаналитической традиции, впитавшей идеи Марти, де М'Юзана и Фэна о психическом функционировании психосоматических пациентов, формулировки Оланье о ранних регистрах психического (в том числе психотического) функционирования и концепцию *работы негатива* Грина. Он также опирается на Фрейда, в частности на его концепцию работы сновидения. В упомянутой выше книге Ботелла цитирует «Толкование сновидений» Фрейда, который предупреждает: аналитики в своем стремлении раскрыть латентное содержание сновидения не должны игнорировать саму суть *работы сновидения* – работы, которая порождает форму и которая уже сама по себе составляет суть сновидения и объясняет его парадоксальную природу (Фрейд, 1900/2005; Botella, Botella, 2005). Однако, как может увидеть читатель, Фрейд, на которого опирается Ботелла и метод которого хочет обновить, оказывается Фрейдом прочитанным, понятым и переосмысленным под определенным углом – углом французской школы, так же как и под углом его индивидуального авторского видения. Во всяком случае, этот угол зрения на Фрейда у Ботелла не совпадает с ракурсами видения тех же текстов и понимания фрейдовской модели травмы, воспоминания и работы

---

² Напомню, что в статье «Конструкции в психоанализе» Фрейд подчеркивает: «работа психоанализа состоит из двух довольно различных порций, т. е. выполняется в двух отдельных локальностях и вовлекает двух людей, каждому из которых отведена отдельная задача» [Freud, 1937, p. 258]. Задача пациента – вспомнить свой некогда пережитый, но вытесненный и ставший бессознательным опыт. Эти, как их называет Фрейд, кусочки «потерянной памяти», фрагменты «исторической правды» остаются активными и сейчас, но недоступны пациенту без анализа и заменены различными симптомами, ингибциями и искажениями. Задача аналитика, как ее понимает Фрейд, – разобраться в динамических детерминантах и результатах самого процесса такого забвения, которое не просто случилось *когда-то давно*, в историческом (или даже доисторическом, см. выше) прошлом, но которое постоянно воспроизводится в текущей жизни и в анализе. Работа аналитика – это попытка шаг за шагом, по различным «следам» вытеснения, оставленным в психике пациента (по фрагментам воспоминаний, по сновидениям, по ассоциациям и по поведению пациента в анализе и, конечно, по проявлениям сопротивления и переноса), восстановить забытое, точнее – *скоonstruировать* его. Работа конструкции и реконструкции опирается на концептуальный аппарат. И, как отмечает в этой статье Фрейд, она напоминает работу археолога, хотя и отличается от нее, поскольку имеет дело не с разрушенными объектами прошлого, а с живыми и активными психическими образованиями. Кроме того, конструкция аналитика должна быть сообщена пациенту и требует определенного искусства интерпретирования.

сновидения у Хока, Хабермаса и Скарфоне. Ботелла выдвигает тезис о специфических последствиях ранней травмы, которую испытали пациенты неневротического спектра. Главным образом это негативные, психически не репрезентируемые или почти не репрезентируемые последствия. Такие травмы, с точки зрения Ботелла, ведут к срыву всего репрезентационного модуса в пациенте и слову описанного классической моделью (адресованной невротической или нормальной структуре) вектора психического развития: влечения – фантазии – конфликт – вытеснение. Поэтому применение предписанного классической же моделью вектора аналитической работы: снятие вытеснения – раскрытие фантазии – нахождение более приемлемого разрешения конфликта – оказывается проблематичным. Привычный модус работы психоаналитика, направленный на свободно ассоциативное или «равновзвешенное» слушание и исследование «игры», взаимодействия, смены и вытеснения репрезентаций со сгущениями, смещениями и другими «сновидными» трансформациями смыслов, хотя и остается необходимым компонентом аналитического процесса, становится явно недостаточным, когда аналитик сталкивается с описанными категориями пациентов. Как пытается показать Ботелла, в этих случаях часто происходит «негация» репрезентации – не может быть репрезентирован не только сам потерянный объект, но и то, что этот объект значил и значит для пациента. Как следствие, становится невозможной и репрезентация себя. В результате память становится памятью без воспоминания, а объект и Я теряются в бездне (Botella, Botella, 2005).

Работа, которую призван делать в такой ситуации аналитик – это, как ее называет Ботелла, работа фигурабельности. Французский неологизм *figurabilité* – это попытка перевести фрейдовское понятие *Darstellbarkeit* [возможность или способность быть репрезентированным], появившееся уже в «Толковании сновидений». Ботелла использует данный неологизм, чтобы описать сложную работу аналитика на сеансе. Эта работа, при которой мышление аналитика находится в режиме формальной регрессии [в состоянии регрессии], может быть сравнима с интуитивной визионерской работой воображения. Это состояние сенсорно-фигуративной и аффективной отчетливости, своеобразных наплывов, вспышек или озарений в психике аналитика. Иногда это состояние достигает галлюцинаторного, точнее квазигаллюцинаторного, регистра, как, например, со словами *détrousser* [грабить, отнимать] и *trousse* [сумка, пенал, набор, аптечка], которые вдруг захватывают Ботелла на одном сеансе с Сержем, когда тот рассказывает о случае ограбления пассажиров в метро. Эти слова начинают резонировать в нем в разных вариациях и комбинациях [*trousse* – задница, влагалище; *trousser les jupes d'une femme* – лезть женщине под юбку; *trousser une fille* – сексуально обладать женщиной; *un trousser* – бабник, донжуан; *trousseau* – приданое; *détrousseurs de grands chemins* – разбойники с большой дороги] и продвигают его мышление, точнее внутреннее восприятие, сразу в нескольких направлениях. В том числе они приводят к раннему переживанию Сержем дилеммы выбора между жизнью и смертью [*la trousse ou la vie* – сумочка или жизнь!], к аварии в детстве, в которую он попал с матерью [*trousse medical* – медицинская аптечка] и к суицидальному (а возможно, и убийственному) поведению матери, а также к конкуренции с братом за «несессер» отца и за любовь матери и к борьбе с аналитиком за его кресло. Другой пример – эпизод с мелодией из «Веселой вдовы», которая неожиданно приходит на ум Ботелла, открывая совсем другой, живой эдипальный аспект переживания, погребенный за фасадным образом депрессивной и опустошенной матери.

Такая работа [работа фигурабельности, в терминах Ботелла] опирается на способность аналитика двигаться в обратном, регрессивном направлении: от законов вторичного процесса к невербальному восприятию и дальше к нерепрезентируемому. Подобный же сдвиг, с точки зрения Ботелла, как следствие травмы, оставившей «негативный» след и не получившей символической репрезентации, произошел ранее в психике пациента. И описанный режим функционирования аналитика, с фокусом на его сенсорно-фигуративном, квазигаллюцинаторном внутреннем восприятии (эндоперцепции), может помочь аналитику следовать за пациентом

[или от имени пациента?] в области не репрезентируемого и не постигаемого им инфантильного опыта. Опыта, как его описывает Ботелла, «без формы», «без очертаний», «без репрезентации», «без воспоминания» и «без смысла». Опыта, который «может получить разрядку только через действие или галлюцинаторную активность сновидения, используя для этого любой контекст» (Ботелла, 2016; см. в этом выпуске). Нерепрезентируемые области психики пациента содержатся, с точки зрения Ботелла, даже в эдипальных невротических структурах. Функция работы фигурабельности, которую должен проделывать аналитик на сеансе, вступая в контакт с этими областями, – преодоление «негатива» травмы.

Работая как своеобразный психический двойник или дубль пациента, аналитик благодаря своему тренингу, опыту, личному анализу и способности к внутренней перцепции, а также разным, в том числе регрессионным, регистрам аналитического мышления может «открыть» эти недоступные области, сформировать (сначала внутри себя) пропавшую репрезентацию и затем помочь пробудить такую же способность в пациенте; способность, которая делает «негативный» травматический опыт психически репрезентируемым и доступным для мышления. Предлагая свою модель памяти без воспоминания и работы фигурабельности, Ботелла надеется обновить и расширить фрейдовскую теорию памяти и его психоаналитический метод в целом.

В рубрике «Современные диалоги» читатель может узнать, какие вопросы в этой связи ставят остальные ее участники – Хок, Хабермас и Скарфоне. Читатель может также задаться и другими вопросами. Например, являются ли описанные Ботелла нерепрезентируемые, но резонирующие в аналитике фрагменты психического опыта эквивалентами прото-мыслей и прото-эмоций (бета-элементов) в концепции Биона? И связана ли – и если связана, то каким образом – работа фигурабельности аналитика с альфа-функцией Биона? Или ее можно понять в качестве аналога экспрессивного, семиотического компонента архаической бессознательной фантазии в понимании Каталины Бронштейн (Бронштейн, 2016; см. в этом выпуске)? Семиотический компонент бессознательной фантазии оказывается все же репрезентированным, но не на символическом, а на более примитивном, телесном и сенсомоторном уровне. В рамках совсем другой парадигмы к близким Бронштейн формулировкам приходит Пьера Оланье, которая вводит понятие пиктографической активности. Продуктом этой активности становится психическая репрезентация, названная ею пиктограммой. По Оланье, пиктографическая репрезентация не связана с языком и является попыткой найти смыслы через фигуративные компоненты телесных и сенсорных образов (см. в разделе «Ключевые статьи»).

Еще один важный вопрос, точнее комплекс взаимосвязанных вопросов, касается того, откуда и каким именно образом описанный Ботелла «недоступный» пациенту опыт возникает или актуализируется в психике аналитика. Не являются ли возникающие в нем в этой связи состояния, образы или квазигаллюцинаторные «наплывы» или «вспышки» результатом проективной идентификации в него пациентом различных аспектов активной в данный момент бессознательной фантазии? В частности, как в случае Сержа, не сталкивается ли аналитик с ожившей в переносе фантазией о первичной сцене – сцене, которая переживается как «выбрасывающая» его из фантазийного союза с идеальным объектом (как в покрывающем воспоминании о голом отце, выбрасывающем его из материнской постели)? Не поэтому ли различные аспекты этой сцены и ее фантазийная репрезентация становятся непереносимыми и подлежащими «негации»? Не становятся ли фантазия о первичной сцене и различные ее производные предметом своеобразной негативной галлюцинацией с сопровождающей ее проективной идентификацией в аналитика, который в состоянии формальной регрессии в своем внутреннем восприятии переживает «позитивный» квазигаллюцинаторный опыт? Не лежат ли в основе этого процесса отрицания и проекции в аналитика не переносимые пациентом чувства зависти к родительской паре, к любимому матерью брату, а также к аналитику, представляющему в переносе родительскую пару и всю первичную сцену? Не имеет ли в результате аналитик

дело с деструктивной атакой Сержа – и не только с эдиповой борьбой за его место/кресло, но и с завистливой попыткой ограбить [détrousser] его и анализ? С попыткой лишить аналитика его инструментария, его аналитического «несессера» – ассоциаций, переживаний, мыслей и инсайтов (в терминологии Ботелла, «репрезентаций»), необходимых для аналитической работы? Не представляет ли депрессивная, страдающая и опустошенная в ассоциациях Сержа мать – фигура, к которой он так аддиктивно привязан, – одну из трансферентных версий (к счастью, не единственную) опустошенного или ограбленного в результате такой проективной идентификации аналитика?

В связи с этим можно задаться и таким вопросом: в какой степени «нерепрезентированность» в психике Сержа очень важных аспектов его опыта является «негативом» пассивно пережитой им и не вербализованной впоследствии матерью ранней травмы, как это предполагает Ботелла, а в какой степени она – результат более активного деструктивного процесса, который Фрейд, а за ним Кляйн концептуализировали как влечение к смерти [Todestriebe]? Фрейд, Кляйн и Ривьер связывали с этим процессом негативные терапевтические реакции в случаях пациентов, которые позже были описаны под разными диагностическими наименованиями, такими как «деструктивный нарциссизм» (Розенфельд), «нарциссизм смерти» (Грин) и «аддикция близости к смерти» (Joseph, 1989; см. также: Такетт, 2016 в этом выпуске). В той или иной степени к каждой из этих категорий может быть отнесен и Серж с его тягой к смерти, негативной терапевтической реакцией в первом анализе и труднопереносимой трансферентно-контртрансферентной ситуацией «нерепрезентации» (или активно «стертой», аннигилированной репрезентации?) и ощущением нерелевантности многих интерпретаций аналитика, особенно в начальной фазе его второго анализа.

В кляйнианской парадигме влечение к смерти понимается как сопровождаемое сложным комплексом различных бессознательных и частично сознательных (как в случае Сержа) фантазий стремление к аннигиляции воспринимающего и переживающего Я (Segal, 1997). В кабинете аналитика, однако, влечение к смерти, как полагает Фельдман (Feldman, 2000), редко проявляет себя в виде прямой деструкции воспринимающего и переживающего Я, хотя различные формы соблазна смерти или суицидальных рисков не стоит недооценивать. Гораздо чаще влечение к смерти проявляется в редукции, «подрывании» и элиминации всего, что вызывает чувства восхищения, зависимости, соперничества и особенно зависти. Элиминации (в том числе на уровне прямой или позитивной репрезентации) или искажению подвергается родительская сексуальность и креативность (фантазийная репрезентация первичной сцены), смыслы, способность к различению, которые в анализе представлены аналитиком и его способностью слушать, его продуктивным мышлением и интерпретациями. За пассивным страданием и идентификацией с полуразрушенным, опустошенным, недееспособным и обездвиженным объектом (как в случае Сержа и его депрессивной матери) может угадываться гораздо более активный деструктивный процесс атаки и изъятия жизни, смысла и ценности из работы и мышления аналитика, а также атака на собственную способность к восприятию, переживанию и мышлению (в том числе на уровне более или менее символизированных репрезентаций). Именно этот процесс Фрейд и ряд психоаналитических мыслителей, таких как Кляйн, Ривьер, Лакан, Сигал и другие, концептуализировали в терминах влечения к смерти, или Танатоса.

Понятию влечения к смерти – одному из наиболее проблематичных и остро дебатированных в психоанализе со времен Фрейда до наших дней – посвящена статья «Влечение к смерти: феноменологическая перспектива в современной кляйнианской теории» Дэвида Белла – кляйнианского психоаналитика и бывшего президента Британского психоаналитического общества, которую мы публикуем в разделе «Образование».

Двигаясь в весьма отличной от кляйнианской парадигмы логике, видный французский психоаналитик Пьера Оланье – ученица и последовательница Лакана и одновременно очень оригинальный и независимый мыслитель, основатель так называемой Четвертой группы (Le

Quatrième Groupe) парижских психоаналитиков – пришла к похожей формулировке, определив влечение к смерти, или Танатос, как проявление радикальной ненависти к потребности репрезентировать.

В разделе «Ключевые статьи» мы публикуем одну из поворотных работ Пьеры Оланье «Рождение тела, происхождение истории», впервые появившуюся на французском языке в 1986 году. Эту публикацию предваряет статья «Пьера Оланье, введение: некоторые элементы ее интеллектуальной биографии» Патрика Миллера – французского психоаналитика, основателя Психоаналитического общества исследований и образования в Париже, в прошлом члена Четвертой группы, созданной Оланье. В заключение этой рубрики Сара Флэндерс – обучающий и детский аналитик, принадлежащая к современной фрейдовской традиции в Британском психоаналитическом обществе, – предлагает подробное обсуждение значения статьи Оланье в современном контексте.

Труд Оланье «Рождение тела, происхождение истории», а также ее книга «Насилие интерпретации: От пиктограммы к утверждению» (Aulagnier, 1975/2001) оказали огромное влияние на всю французскую психоаналитическую мысль и на таких авторов данного выпуска «Ежегодника...», как Руссийон, Ботелла и Милле́р. В своих работах она обращается к исследованию самых глубоких телесно-сенсорных корней психического. Ее интересуют уровни развития и символизации психической жизни, начиная с самых ранних регистров психической репрезентации, в том числе с репрезентации на уровне «фигуральной корпорализации» и «пиктографической активности», которые изначально представляют психике ее собственное состояние и функционирование. Работа Оланье позволяет лучше представить роль ранних отношений младенца с матерью, а также роль соматических и сенсорных источников психической жизни и бессознательного. Оригинальные формулировки Оланье об идеационном резервуаре, о пиктографической активности, фантазматических конструкциях, фантазийном барьере и символизации позволяют лучше понять контекст современного дискурса о бессознательном и бессознательных фантазиях во французской психоаналитической школе. Они также позволяют лучше представить исторический контекст интереса к происхождению и природе бессознательного во Франции – интереса, который характерен и для опубликованных в этом выпуске работ о символизации и фигурабельности Руссийона и Ботелла. Читатель обнаружит немало сближений или точек пересечения формулировок, предложенных в этих работах, со взглядами на природу и модусы проявления на сеансе бессознательной фантазии, а также бессознательных образований в целом в других психоаналитических традициях – в частности, в кляйнианской (статьи Бронштейн, Фельдмана, Содрэ, Белла, Стайнера и Такетта), североамериканской (Лафарж, Стерн, Скарфоне), германской (Хок, Хабермас) и т. д. Он сможет оценить, как много на современном этапе появляется близких по сути идей и областей взаимного влияния и обогащения между разными психоаналитическими традициями – как и разногласий и расхождений, которые не следует преуменьшать.

Наша традиционная рубрика «Эссе о кино», нацеленная на развитие междисциплинарного диалога между психоанализом и кинематографом, напрямую затрагивает проблемы бессознательной фантазии, бессознательных процессов, символизации и репрезентации не только во внутреннем мире человека и на психоаналитическом сеансе, но и на киноэкране. Как уже знает постоянный читатель этой рубрики в «Ежегоднике...» и как показал первый в России психоаналитический кинофестиваль «Экран видимого – экран бессознательного»³, намеренно или ненамеренно кинематограф постоянно обращается и обращает нас к глубочайшим бессоз-

---

³ Психоаналитический кинофестиваль «Экран видимого – экран бессознательного» прошел в Москве в ноябре 2014 года (<http://solutions-psy.com/psychoanalytic-film-festival>). В нем приняли участие не только ведущие российские психоаналитики, но и создатели фильмов (кинорежиссеры, сценаристы, актеры, киноведы, монтажеры), в их числе Андрей Звягинцев, Илья Хржановский, Василий Сигарев, Яна Троянова, Константин Лопушанский, Дмитрий Мамулия, Любовь Аркус, Алексей Попов-Гребский, Хью Бруди, Иван Вырыпаев и др.

знательным фантазиям и к их воплощению различными кинематографическими средствами. Если можно так сказать, кинематограф занят работой по экранной репрезентации этих глубоких фантазий в видимой, слышимой, как правило, фигуративной и сюжетно представимой (если речь не идет об экспериментальном кино) форме. Форме, которая порождает мощный перцептивный (прежде всего визуальный и аудиальный), а также сенсорно-телесный, интеллектуальный и аффективный опыт.

Можно найти немало параллелей между средствами кинематографического воплощения (кинематографической репрезентацией или презентацией) и регистрами психического, в том числе бессознательного, функционирования, описанными в психоанализе. В свое время идеи Фрейда о работе сновидения, о сгущении, смещении и первичном процессе, о презентации предмета и презентации слова повлияли на теорию и практику монтажа Сергея Эйзенштейна. Ряд классических и современных психоаналитических понятий, которые описывают функционирование психического аппарата и которые обсуждаются в этом выпуске «Ежегодника...» (например, бессознательные фантазии и бессознательные воспоминания, семиотический и символический модусы экспрессии и коммуникации бессознательной фантазии, пиктографическая активность, квазигаллюциаторное восприятие, процесс сценификации, работа фигурабельности, символизация и др.), содержат в себе потенциальное кинематографическое измерение. Некоторые из них могут легко найти свое место в теории и практике кинематографа. Мы уже говорили о том, что внимательное исследование обнаруживает удивительные параллели и пересечения между процессом создания фильма, от замысла до его воплощения, и психоаналитическим процессом (Кадыров, 2015) и что развитие диалога между психоанализом и кинематографом может взаимно обогатить эти столь, казалось бы, непохожие и столь внутренне родственные области науки и культуры.

В рубрике «Эссе о кино» настоящего выпуска мы публикуем две работы. Статья «Приключения “бедного Я” в открытом космосе – “Гравитация” Альфонсо Куарона» написана психоаналитиком из Кельна, профессором Кельнского университета Дирком Блотнером; автор статьи «Цели и средства в “Головокружении” Хичкока, или Что мы можем увидеть/понять благодаря Канту?» – психоаналитик из Филадельфии Сюзен С. Левин.

Мы надеемся, что представляемый нами выпуск «Ежегодника...» – очередной продукт совместного проекта Московского психоаналитического общества, «Международного журнала психоанализа» и издательского дома «Новое литературное обозрение» – вызовет интерес у специалистов и у широкой аудитории. Мы также надеемся, что он позволит читателю получить объемное представление о разнообразии современных теоретических и клинических подходов к бессознательному, бессознательной фантазии, символизации и пресимволическим формам опыта, как они проявляются на аналитическом сеансе и в жизни.

Библиография

Бласс Р. (2013) Осмысление подхода Бетти Джозеф к «здесь и сейчас» через его сопоставление с альтернативными воззрениями внутри кляйнианского психоанализа и за его пределами // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Третий выпуск. НЛО. С. 120–143.

Джозеф Б. (2014) «Здесь и теперь»: моя точка зрения // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Четвертый выпуск. НЛО. С. 21–25.

Кадыров И.М. (2013). Психоанализ сегодня: В чем его специфика? Психоаналитический сеанс и психоаналитические клинические факты // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Т. 3. С. 5 – 19.

Кадыров И. (2014). «Здесь и теперь, тогда и там»: Время и место в психоаналитическом процессе // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Т. 4. С. 5 – 17.

Кадыров И. (2015). Эмпирические основания психоанализа: психоаналитические объекты, клинические факты и материал случая // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Т. 5. С. 5 – 17.

О'Шонесси Э. (2014). Где находится «здесь»? Когда происходит «теперь»? // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Четвертый выпуск. НЛО. С. 26–36.

Такетт Д. (2013). По ту и эту сторону окна: о некоторых основополагающих элементах в теории психоаналитической техники // Международный психоаналитический ежегодник. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». Третий выпуск. НЛО. С. 93 – 119.

Фрейд З., Брейер И. (1895/2005). Исследования истерии. СПб.: ВЕИП, 2005.

Фрейд З. (1900/2005). Толкование сновидений. Изд-во «Харвест», 2005.

Фрейд З. (1911/2007). Положения о двух принципах психического события // Фрейд З. Психика: Структура и функционирование. М.: Академический проект, 2007. С. 3 – 11.

Фрейд З. (1915/2007). Бессознательное // Фрейд З. Психика: Структура и функционирование. М.: Академический проект, 2007. С. 12–58.

Фрейд З. (1916–1917/1989). Десятая лекция. Символика сновидения // Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С. 92 – 105.

Фрейд З. (1933/1989). Тридцать первая лекция. Разделение психической личности // Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С. 314–348.

Aulagnier P. (1975/2001). The Violence of Interpretation: from Pictogram to Statement. London: Routledge.

Bion W.R. (1959). Attacks on linking / Bion W.R. Second Thoughts. New York: Aronson. P. 93 – 109.

Bohleber W., Jimenez J., Scarfone D., Varvin S., Zysman S. (2016) Unconscious phantasy and its conceptualizations: An attempt at conceptual integration. *Int J Psychoanal.*, 96:705–730.

Botella S., Botella C. (2001/2005). La Figurabilité psychique. Paris: Delachaux et Niestlé, 2001. [The Work of Psychic Figurability: Mental States Without Representation] (The New Library of Psychoanalysis). Hove; New York: Brunner – Routledge, 2005.

Britton R. (2003). Sex, Death, and the Superego. Experiences in Psychoanalysis. London; New York: Karnac, 2003.

Feldman M. (2000). Some Views on the Manifestations of the Death Instinct in Clinical Work. *Int J Psychoanal*, 81:53–65.

Freud S. (1933). New introductory lectures on psychoanalysis. *SE*, 22:1 – 182.

Freud S. (1937). Constructions in Analysis. The *SE*, of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XXIII (1937–1939). P. 255–270.

Freud S. (1940 [1938]). An Outline of Psychoanalysis. *SE*, 23: 194–207.

Joseph B. (1989). Psychic Equilibrium and Psychic Change. Selected papers of Betty Joseph. London: Routledge.

Klein M. (1930). The importance of symbol formation in the development of the ego // Klein M. Love, Guild, Reparation and Other Works (1921–1945). London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1975.

Klein M. (1957). Envy and Gratitude // Klein M. (1975) Envy and Gratitude and other works. 1946–1963. The Writings of Melanie Klein. Vol. III. London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis (reprinted [1993] London: Karnac).

Segal H. (1957). Notes on symbol formation // *The Work of Hanna Segal* (p. 49–64). London: Free Associations, 1989.

Segal H. (1978). On symbolism. *Int J Psychoanal* (1978) 59:315–319.

Segal H. (1997). On the clinical usefulness of the concept of death instinct // *Segal H. Psychoanalysis, Literature and War*. London: Routledge. P. 17–26.

Sodre I. (2008). The «Perpetual Orgy»: Hysterical Phantasies, Bisexuality and the Question of Bad Fiath. Unpublished paper.

Steiner R. (2003). Introduction // *Unconscious phantasy* / Ed. by R. Steiner. London, New York: Karnac. P. 1 – 66.

Теоретические и клинические статьи

Обнаружение бессознательной фантазии на сеансе: распознавание формы Каталина Бронштейн

Catalina Bronstein. Finding unconscious phantasy in the session: Recognizing form. Int J Psychoanal (2015) 96:925–944.

7 Mackeson Road, London NW3 2LU, UK.

Понятие бессознательной фантазии играло и играет до сих пор центральную роль в психоаналитическом мышлении. Автор обсуждает различные формы, которые принимают проявляющиеся в аналитическом сеансе бессознательные фантазии по мере того, как они возникают и разыгрываются в отношениях переноса. В статье также предпринимается попытка расширить кляйнианский взгляд на символизацию и формирование символа: автор исследует воздействие эмоциональных состояний, связанных с ранними «непереработанными», «пресимволическими» фантазиями, на аналитический процесс и на то, как действие телесных составляющих таких фантазий смыкается с процессом означения. Автор описывает экспрессивные проявления примитивных бессознательных фантазий в аналитическом сеансе и выдвигает гипотезу, что их эмоциональное влияние на взаимодействие пациента и аналитика в большой мере зависит от «семиотических» составляющих этих примитивных фантазий, переживаемых и выражающихся телесным образом. Здесь не происходит движение от бессознательной фантазии, характерной для уровня символической эквивалентности [символического уравнивания], к зрелой символизации, – скорее, обе эти формы сосуществуют и одновременно сообщают о себе аналитику. Поскольку ранние фантазии находятся в тесном контакте с телесными и непереработанными эмоциональными состояниями, их проецирование может вызвать мощный резонанс, иногда переживаемый аналитиком на телесном уровне и формирующий существенную часть его контрпереноса.

Ключевые слова: бессознательная фантазия; тело; превербальное; символическое; символическая эквивалентность; семиотическое; телесное; Айзекс; Кристева.

*...Смыслы, как и чувства, значительно старше речи...
Айзекс, 1948, с. 84*

Вступление

Понятие бессознательной фантазии играло и до сих пор играет центральную роль в психоаналитическом мышлении. Я продемонстрирую различные формы, которые принимают проявляющиеся в аналитическом сеансе бессознательные фантазии по мере того, как они возникают и разыгрываются в отношениях переноса. Особое внимание я уделю тому, как эмоциональные состояния, связанные с «непереработанными», «пресимволическими» фантазиями, воздействуют на аналитический процесс и как действие телесных составляющих таких фантазий смыкается с процессом означения.

Хотя ранние бессознательные фантазии могут быть символически изменены, организованы и структурированы, составляя латентное содержание того, что затем становится манифестной частью интегрированного связного дискурса, *форма*, которую они таким образом

принимают, зачастую включает в себя непереработанные эмоциональные составляющие – остаточный след параноидно-шизоидной позиции и примитивных фантазий. Многие авторы (в первую очередь Фрейд, Ференци, Кляйн и Бион) подчеркивали роль превербальных телесных составляющих в формировании символов и ранних фантазий. Ханна Сигал говорила, что согласна с формулировкой Фрейда: «...содержание произведения искусства эдипальное, однако его форма определяется гораздо более архаическими процессами»⁴ (цит. по: Quinodoz, 2008). Относительно этого в области эстетики сделаны некоторые весьма важные открытия⁵. Архаические процессы и их отношение к искусству, особенно к поэзии, исследовала также Юлия Кристева. Я воспользуюсь понятиями «семиотическое» и «символическое» в ее формулировке, чтобы исследовать формы проявления примитивных бессознательных фантазий на сеансе. Я полагаю, что эмоциональное воздействие, оказываемое аналитиком и пациентом друг на друга, в большой степени зависит от «семиотических» составляющих примитивной фантазии, которые они могут переживать и отыгрывать телесно.

Несмотря на то что содержание дискурса пациента может по видимости иметь символический смысл, просодические особенности – ритм, «семиотика», свойственные его речи, – иногда дают нам понять нечто совершенно иное. Вместо движения от бессознательных фантазий, характерных для символических уравниваний [symbolic equations], к зрелой символизации мы скорее можем обнаружить, что обе эти формы способны сосуществовать и при этом – одновременно – сообщаться аналитику. Более того, подобные телесно выраженные фантазии могут воздействовать на процесс символизации и способствовать ему (а не просто уступить ему место).

Поскольку ранние фантазии находятся в тесном контакте с телесными и непереработанными эмоциональными состояниями, их проецирование может вызвать мощный резонанс, иногда переживаемый аналитиком на телесном уровне и формирующий существенную часть его контрпереноса.

Мы часто склонны рассматривать примитивные конкретные фантазии и параноидно-шизоидную позицию скорее в их связи с патологией. Однако они связаны также с различными модусами экспрессии и психической организации, жизненно важными для индивидуума и лежащими в основе его способности ориентировать себя по отношению к объекту и устанавливать с ним эмоциональный контакт. Здесь я хочу особо сказать как о богатстве возможностей устанавливать эмоциональный контакт, связанном с такими ранними бессознательными фантазиями, так и об их потенциальном влиянии на патологическое развитие. А также хочу подчеркнуть: в анализе подобные примитивные бессознательные фантазии нужно выявлять, даже если они замаскированы вербальным рассуждением.

Бессознательная фантазия: историческая перспектива. Фрейд, Кляйн, Айзекс, Сигал

Можно с уверенностью утверждать, что все относящееся к области психического имеет также отношение к бессознательной фантазии (Grotstein, 2008). Одна из сложностей, возникающих при обсуждении этого понятия, – необходимость рассматривать его как феноменологически, т. е. в соотношении со всем разнообразием формы и содержания, которые так или иначе присущи в нашем описании бессознательной фантазии, так и метапсихологически – в отношении к таким понятиям, как развитие эго и суперэго, защитные механизмы, роль восприятия и т. п. Например, фантазия о преследовании себя объектом может действительно изменить восприятие реальности субъектом так, что каждый звук, издаваемый аналитиком, станет

---

⁴ Устное сообщение Фрейда на заседании его Венского общества.

⁵ Например, Segal (1952), Meltzer (1986), Harris-Williams (2010) и Lia Pistener de Cortinas (2009) среди прочих.

восприниматься пациентом как подтверждение его убеждения, будто его и в самом деле преследуют. Фантазии воздействуют на восприятие внешней реальности, а внешняя реальность воздействует на фантазии. С кляйнианской точки зрения, однако, бессознательные фантазии часто исполняются как гипотезы, которые внешняя реальность должна подтвердить или опровергнуть (Segal, 1964b).

К маю 1897 года Фрейд более ясно определил роль фантазии при истерии. Он подчеркнул, что в вытеснении задействованы не только воспоминания, но и фантазии⁶.

Сам Фрейд по-разному использовал понятие «фантазия» на разных этапах своей работы. Однако в основном он говорил о фантазии как об основанном на попытках исполнения желания компромиссном формировании, относящемся к разряду сознательных или предсознательных творений воображения и появляющемся тогда, когда исполнение желания оказывается фрустрированным, как, например, в случае сна наяву. Эти фантазии впоследствии оказываются вытесненными. Хотя Фрейд и полагал, что в системе бессознательного также содержатся фантазии, основную базу этой системы составляли, по его мнению, инстинктивные влечения (Spillius, 2001). С его точки зрения, деятельность «фантазирования» возникла с появлением принципа реальности; он рассматривал ее как некий вид мыслительной деятельности, который подвергся отщеплению, был избавлен вследствие этого от необходимости тестирования реальности и руководствуется все еще принципом наслаждения (Freud, 1911, p. 225). Тем не менее, пытаясь найти ответ на вопрос, с чего все начинается, Фрейд также предложил теорию первичных фантазий, «Urphantasie», и некоторые фантазии, согласно этой теории, имели филогенетическое происхождение – «настоящее существование в первобытные времена...» (Freud, 1916, p. 371)⁷. Можно только догадываться, оказала ли эта концепция филогенеза фантазии влияние на развитие идей Кляйн.

Для самой Кляйн фантазия – это основная психическая деятельность, присутствующая в рудиментарной форме с самого рождения; и хотя ее можно использовать в качестве защиты, она является синонимом бессознательной мысли (Spillius, 2001). Когда мы размышляем в терминах бессознательной фантазии, затруднительно использовать структурную модель, поскольку бессознательные фантазии пронизывают весь психический аппарат. Может быть, легче думать в терминах примитивных бессознательных фантазий, которым соответствует различная степень «бессознательности» (Spillius, 2001; Bronstein, 2001a).

В кляйнианской теории понятие «влечение» по самой своей сути соответствует понятию внутреннего объекта, поскольку и влечения, и объекты сливаются воедино в самом начале жизни. Именно в этом локусе понятие бессознательной фантазии обретает свое значение, происходящее из тесной связи между влечениями и объектом, сводя вместе аффект и репрезентацию (Klein, 1946; Heimann, 1952). Таким образом, можно постулировать, что бессознательные фантазии и внутренние объекты находятся в диалектически реципрокном отношении друг к другу, представляя одновременно один и тот же психический опыт (Baranger, 1961, 1980; Bronstein, 2001a). При этом фантазии и переживания по поводу состояния внутренних объектов оказывают воздействие на структуру эго (Rosenfeld, 1983).

С самого начала Кляйн подчеркивала важность любопытства младенца и его всемогущественных фантазий относительно материнского тела (Klein, 1936). Это можно видеть в описаниях ее работы с детьми. Например, она полагала, что в основе торможения чувства ори-

---

⁶ «...Я получил четкое представление о структуре истерии. Все возвращается и восходит к репродукции сцен. Некоторых можно достичь непосредственно, других – только посредством представляющей их фантазии. Эти фантазии происходят из того, что было *услышано* некогда, но понято *впоследствии*... Они суть защитные структуры, сублимации фактов, украшенная их версия и в то же время служат самоутешению. Источник их происхождения, вероятно, – мастурбационные фантазии» (Freud, 1897a, p. 239).

⁷ Эти фантазии включали в себя первичную сцену, кастрацию, соблазнение взрослым. Лапланш интересно дискутирует с Фрейдом по вопросу о необходимости связывать это представление с архаическим периодом (Freud, 1915d, 1916; Laplanche, Pontalis, 1973; Perron, 2001).

ентации у ребенка лежит необходимость вытеснения его интереса к материнской утробе и ее содержимому, желания внедриться в ее тело и исследовать его изнутри (Klein, 1923; Bronstein, 2001b). В работе «Значение формирования символа при развитии эго» (1930) она показывает наличие связи между тревогой, которую у мальчика Дика вызывала его агрессия по отношению к материнскому телу, и трудностями, с которыми он сталкивался на пути развития способности мыслить символически. Желание освоить тело матери и присвоить его, фантазии об этом рождают зависть и агрессию, но также любовь, любопытство и желание.

Кляйн полагала, что ранние фантазии имеют вполне конкретное свойство, при котором объекты ощущаются [feel] «физически внутри»: «Младенец, поместивший таким путем своих родителей “внутри” себя, ощущает их как живых людей в своем теле тем самым конкретным образом, какой присущ глубоким бессознательным фантазиям, – они становятся для него принадлежащими его внутреннему пространству “внутренними” объектами» (Klein, 1940, p. 345).

Фантазия, влечение, аффект: телесность и бессознательная фантазия

Ранее я писала, что бессознательные фантазии соединены с телом тремя различными способами (Bronstein, 2011):

1. Посредством их тесной связи с влечениями (а потому и с аффектами).
2. Через тело как содержание фантазии (например, в сновидении, вовлекающем тело).
3. И через тело как арену, на которую бессознательные фантазии могут проецироваться и бессознательно разыгрываться (как, например, в самокалечении, при анорексии и т. п.).

В данной статье я исследую экспрессивную функцию, которую бессознательные фантазии выполняют в процессе обмена между аналитиком и пациентом, и их отношение к влечениям и аффектам.

Отношения между инстинктами, их связь с телом и их репрезентация – вопрос, заслуживающий длительного обсуждения. Согласно записям Стрейчи (Strachey, 1957, p. 111–116), Фрейд шел к его решению двумя путями. В первом случае он рассматривал влечение как промежуточное понятие, занимающее место между соматическим и психическим и являющееся «...психической репрезентацией стимулов, возникающих внутри организма и воздействующих на психику, требующих от психики совершения работы, необходимой вследствие связи психики с телом» (Freud, 1915a, p. 121–122). Здесь мы могли бы подумать, что Фрейд не делал никаких различий между влечением и его психической репрезентацией. Однако в более поздних работах он проводит достаточно резкую границу между влечениями и их психическими репрезентациями, например постулируя, что только репрезентирующая инстинкт идея (Vorstellung) может стать достоянием сознания (Freud, 1915a). Эти рассуждения имеют тесную связь с теорией аффектов⁸. Фрейд настойчиво подчеркивал противоположность содержания фантазии и аффекта. Однако изменения, внесенные им в теорию тревоги, и вторая топографическая модель сузили расхождение между аффектом и репрезентацией, так что аффект с некоторой точки зрения получил статус бессознательного (Green, 1977).

Сюзан Айзекс в своем докладе, сделанном в Лондоне в ходе «Обсуждения разногласий» [«Controversial Discussions» – дискуссий о противоречиях], подчеркнула связь между

---

⁸ В статье «О вытеснении» Фрейд пишет: «Мы в нашей дискуссии пока имели дело с вытеснением инстинктивного представителя, под последним мы понимаем идею (Vorstellung) или группу идей, катектированную определенным количеством психической энергии (либидо или интерес), происходящей из инстинкта. Критическое наблюдение вынуждает нас теперь разделить то, что мы некогда считали целым; поскольку мы видим, что вынуждены принимать во внимание, помимо идеи, некоторый другой элемент, представляющий инстинкты, и что вытеснение этого другого элемента может совершаться совсем не таким путем, как вытеснение идеи. Этому другому элементу психического представителя присвоено название “аффективной составляющей” (Affektbetrag). Он соответствует инстинкту в той мере, в которой последний отделяется от идеи и находит выражение, пропорциональное своему объему, в том, что мы воспринимаем как аффект» (1915c, p. 152).

представлением Кляйн о фантазии и концепцией Фрейда о влечении и аффекте (Isaacs, 1948) и сформулировала столь необходимые теоретические положения о развитии данного понятия у Кляйн.

Особо Сюзан Айзекс подчеркнула наличие связи, которую Фрейд усматривал между Оно [Id], влечениями и телом. Она напомнила всем сказанное Фрейдом: «Мы полагаем, что оно (Ид) каким-то образом находится в непосредственном контакте с соматическими процессами и перенимает у них инстинктивные потребности, давая им, в свою очередь, психическое выражение» (Freud, 1933). И затем сформулировала ныне хорошо известное определение бессознательной фантазии:

Так что, с точки зрения современных исследователей, подобное «психическое выражение» инстинкта есть не что иное, как бессознательная фантазия. Фантазия прежде всего – это ментальное следствие, психическая репрезентация инстинкта. Нет такого импульса, такого инстинктивного побуждения или ответа, который не переживался бы как бессознательная фантазия. (Isaacs, 1948, p. 80)

И далее:

В ранней жизни существует изобилие бессознательных фантазий, которые *принимают специфическую форму во взаимодействии с катексисом определенных телесных зон.* (Ibid., p. 82; выделение добавлено)

Размышляя о том, куда поместить влечения и ранние аффективные переживания, мы могли бы сказать, что они тесно связаны с ощущениями, поступающими от органов чувств. Мы можем распознать в них как сенсорные, так и эмоциональные составляющие. Как писала Брирли, «сама двусмысленность английского слова “чувство” указывает, что это состояние есть совмещение сенсорных и аффективных впечатлений (feel – щупать и чувствовать. – *Прим. перев.*). Младенец, к примеру, должен сначала нащупать грудь, прежде чем начнет воспринимать (распознавать) ее, и он воспринимает сосательные ощущения раньше, чем сознает, что у него есть рот. Распознавание развивается там, где для него имеется основа в сенсорном опыте. Таким образом, катексис себя самого, знание о внешнем мире и объектный катексис развиваются симультанно. Фрейд говорил: “Эго – это во-первых и прежде всего телесное эго”, – но, может быть, нам было бы уместнее сказать на этом этапе, что эго – это поначалу череда ощущений-эго, частично телесная и частично объектная завязь» (Brierley, 1937, p. 262).

Фантазия, язык и роль восприятия

Ранние фантазии переживаются как эмоции и физические состояния. Кляйн и Айзекс полагали, что словесное выражение бессознательной фантазии приходит гораздо позже, чем ее исходное сенсорное отображение. Некоторые бессознательные фантазии никогда не отражаются в словах, хотя субъект может бессознательно использовать определенные слова, чтобы вызвать подобную фантазию в другом (Segal, 1964с, 1994; Spillius, 2001). Из этого не следует, что у фантазий нет «смысла», хотя, разумеется, раннее представление о значении может значительно отличаться от позднего, сформулированного под влиянием осознанности и рациональности. Огден полагал: «...главный вклад Айзекс – ее постулат, что фантазия – это “процесс, порождающий смысл, и что это одновременно форма, в которой все смыслы – включая смысл чувств, защитных механизмов, импульсов, телесных ощущений и т. п. – существуют в бессознательной психической жизни”» (Ogden, 2011, p. 925). Как писала сама Айзекс, «первичные фантазии, репрезентации самых ранних импульсов желания и агрессии находят выражение и подлежат обработке посредством психических процессов, определяемых логикой эмоциональ-

ного переживания и далеко отстоящих от слова и осознанного участия в отношениях... У нас множество свидетельств того, что фантазии действуют в психике задолго до того, как усвоится язык, и что *даже во взрослом индивиде они продолжают действовать наряду со словами и независимо от них*. Смыслы, как и чувства, значительно старше речи...» (Isaacs, 1948, p. 84; курсив автора).

И далее:

Самые ранние, самые рудиментарные фантазии связаны с сенсорным переживанием, и, будучи аффективной интерпретацией телесных ощущений, они естественным образом характеризуются теми свойствами, которые Фрейд описывал как принадлежащие к «первичному процессу»: это неспособность координировать импульсы, отсутствие чувства времени, отсутствие восприятия противоречия и отрицание. Далее, на этом уровне нет еще отчетливого восприятия внешней реальности. Переживание зависит от ответа в системе «все или ничего», и отсутствие удовлетворения воспринимается как недвусмысленное зло. Утрата, неудовлетворенность и депривация чувственно воспринимаются как боль. (Ibid., p. 88⁹)

Кляйн обращала внимание на то, что когда подобные превербальные эмоции и фантазии заново переживаются в ситуации переноса, они возникают как «воспоминание в ощущении» (Klein, 1957, p. 180). Эти ранние, непереработанные фантазии Кристева описывала как «телесные метафоры», в которых фантазия становится репрезентацией влечения и «смещением – или скорее боковым отростком, – предшествующим идее и языку» (Kristeva, 2001, p. 150). Как ранее заметила Айзекс, такие ранние телесные метафоры не исчезают, они продолжают действовать наряду со словами и независимо от слов. Я полагаю, что повышенная способность устанавливать эмоциональный контакт и удивительные побуждающие память процессы, сопровождающие многие переживания в переносе и в контрпереносе, являются результатом проективной идентификации этих ранних телесных фантазий.

В «Революции поэтического языка» (1984) Кристева пишет, что многим обязана Мелани Кляйн, на идеи которой она опиралась при работе над развитием лингвистической теории, реабилитирующей представление о доэдипальном теле. Работая в рамках лакановского подхода, Кристева тем не менее думает, что Лакан просмотрел процессы, происходящие до стадии зеркала, например то, каким образом телесные влечения ищут и находят выражение в языке. По мнению Кристевой, описание ранней доэдипальной стадии у Кляйн соответствует тому, что сама она называет «семиотическое». Несмотря на то что это понятие принадлежит другой концептуальной парадигме, оно может быть очень полезно, и я его позаимствую. Говоря о конституирующем развитии языка процессе означения, Кристева описывает две отдельные модальности: *семиотическое* и *символическое*¹⁰. Диалектическая связь этих модальностей и определяет

---

⁹ «а). Ранние фантазии основаны в основном на оральных импульсах, связанных со вкусом, запахом, прикосновением (рта и губ), на кинестетических, висцеральных и прочих чувственных ощущениях; они в первую очередь начинают восприниматься как связанные с опытом “помещения чего-то внутрь себя” (сосание и глотание), нежели с чем-то иным. Визуальная составляющая их незначительна. б). Эти ощущения (и образы) суть телесные переживания, поначалу едва соотносимые с внешним пространственным объектом. (Кинестетические, генитальные и висцеральные элементы обычно также с ним не соотносятся.) Они придают фантазии конкретное телесное качество, ощущение “себя самого”, переживаемого в теле. На этом этапе образы едва отличимы от конкретных переживаний и внешних восприятий. Кожа еще не воспринимается как граница между внутренней и внешней реальностью. в). Присутствие визуальной составляющей восприятия постепенно усиливается, соединяется с опытом тактильного восприятия, пространственно дифференцируется. Ранние зрительные образы остаются эйдетическими по своему качеству – примерно до возраста трех-четырёх лет. Они живые, конкретные, часто ребенок путает воображаемое и увиденное. Более того, они долго остаются тесно связанными с телесными реакциями: они объединяются с эмоциями и требуют немедленного отреагирования. (Многое из того, что здесь описано таким обобщенным образом, подробно исследовано в психологии)» (Isaacs, 1948, p. 92).

¹⁰ Кристева соединила лингвистический и семиотический подходы с психоаналитическим. Несмотря на то что ее очень вдохновляли идеи Кляйн о ранних фантазиях, ее теоретический подход тесно связан с идеями Лакана. Представление Кри-

тип дискурса, с которым мы имеем дело. «Семиотическое – это психосоматическая модальность процесса означения» (Kristeva, 1984, p. 28). Это поле эмоционального, привязанного к влечениям (влечению к жизни, влечению к смерти), проявляющееся в языковой просодии (выразительность, контрастирование, тон, ритм речи и т. п.), а не в означающем смысле слов. Семиотическое ассоциируется также с материнским телом – первым источником ритма и движения у каждого человеческого существа. Кристева описывает некий «пренарративный кокон [envelope – конверт]» – «эмоциональное переживание, одновременно психическое и субъективное, основанное на влечениях в интерперсональном контексте» (Kristeva, 2000, p. 773). Отказываясь от попытки выявить логику раннего нарратива, Кристева обращается к кляйнианской и посткляйнианской мысли о важной роли тревоги, о необходимости распознавания тревоги матерью или аналитиком как основе формирования мышления. С точки зрения Кристевой, язык обретает смысл только с развитием и артикуляцией символического и семиотического процессов (Kristeva, 1984; Barrett, 2011). К примеру, песня, в которой радостные слова положены на грустную музыку, может привести слушателя в состояние спутанности. Кристева рассматривает материнское тело прежде всего как источник переживания звука, голоса, ритма для младенца. Она вводит термин «хора» (chora) для описания подвижности, кинетических ритмов, берущих начало в биологических влечениях и обеспечивающих связь между звуком и телом человека. Это понятие связано с платоновским «khora»¹¹ – «восприимницей», «пространством», в котором обитают «формы». Кристева пишет, что влечения включают «семиотические» функции, устремляющие тело младенца к матери и соединяющие его с ней (я думаю, это можно соотнести с тем, что Блон называл сначала «протопсихической», а затем «соматопсихической» системой) (Meltzer, 1986; Bion, 1961. По-моему, такие семиотические составляющие ранних отношений младенца с матерью и его фантазий о материнском теле играют существенную роль в том, как мы впоследствии воспринимаем мир и общаемся с себе подобными¹². Такие нюансы, как ритм речи пациента; «музыкальность» его словесного выражения; интенсивность, с которой он произносит отдельные слова; чувствительность к звукам, паузам и особенностям положения в пространстве по отношению к аналитику – все это может иметь в процессе аналитического сеанса огромное значение.

Существует множество исследований о ранних телесных фантазиях младенца и его связи с матерью, но я предпочла пользоваться именно введенным Кристевой понятием «семиотического», поскольку, по-моему, именно в нем подчеркнута роль таких фантазий в качестве первичного процесса осмысления и сообщения при развитии речи и усвоении языка. В соответствии с моими задачами я расширила это понятие, которое теперь включает и другие телесные проявления, не обязательно связанные с особенностями речи пациента, хотя можно было бы сказать, что они все еще являются частью его «языка» (такие, как неустранимые состо-

---

стей о «семиотическом» имеет много общего с кляйнианским и посткляйнианским взглядом на процессы раннего психического функционирования, но мне кажется, что теоретические расхождения становятся яснее в связи с представлением о «символическом». Кристева писала, что дополнила кляйнианское понимание «символического» представлением о важности фаллической стадии, во время которой, по ее мнению, происходит «соединение символа и катексиса мышления в пациенте» (Kristeva, 2000, p. 744). Кристева опирается на описание Лаканом роли отцовского фаллоса в развитии языка. Эту мысль опротестовала Сигал: хотя Кристева вполне справедливо утверждает, будто Кляйн нигде открыто не говорит о связи младенца с отцом в деле формирования символа, она не принимает во внимание работы посткляйнианцев, таких как сама Сигал и Бриттон, подчеркивавших роль отца при формировании символического функционирования (Segal, 2001; Britton, 1989). Между кляйнианской и лакановской теориями существует множество расхождений в определении роли отца и особенно символического значения фаллоса в формировании символической функции, на анализе которых я не имею возможности здесь остановиться. Упомяну только различие между кляйновским понятием символизации и лакановским понятием «символического порядка» (см.: Borossa et al., 2014).

¹¹ В диалоге «Тимей». По словам Кристевой, «Хора, как он [Платон] ее описывает, – это пространство до пространства, это кормилица и поглотительница в одном лице, предшествующая Единому, Отцу, миру и даже слугу. Это модальность смысла до означения, которую я называю “семиотическое”» (Kristeva, 1984, p. 19 – 106; 2014, p. 73).

¹² Существует множество исследований взаимодействия между матерью и младенцем, учитывающих включенные в него семиотические элементы. См., например: Powers, Trevarthen (2009); Stern (1974); Trevarthen (1986, 1993); Salomonsson (2007).

яния телесного напряжения, или противоположное этому – слияние тела пациента с кушеткой; физическое пространство, которое пациенту требуется занять и освоить, прежде чем начать говорить, и т. п.). Например, мужчина-пациент приводил многочисленные примеры того, насколько он уступчив, гибок и предупредителен в отношении других, в то время как эти другие выглядели в его рассказе ригидными и неспособными учитывать чужие обстоятельства. Удивительно было видеть, что все это время его тело оставалось чрезвычайно напряженным. Мы могли бы тут сказать, что при отсутствии взаимодействия между семиотическим и символическим измерениями семиотическая форма телесно воплощает отщепленную часть психического, переживающую и сообщающую ощущения и чувства, которые невозможно обработать ни символически, ни даже на уровне символической эквивалентности. Она становится телесным выражением того, что Блон описывал как телесные «прото-мысли» (Bion, 1962), и соответствует данной им характеристике протопсихической системы: «...поскольку на этом уровне телесное и психическое не дифференцированы, резонно полагать, что страдание, происходящее на этом уровне, может заявлять о себе как телесным, так и психологическим способом» (Bion, 1961, p. 102).

Такие ранние телесные фантазии могут сосуществовать в нас с другими телесными манифестациями, которые возникли вследствие защитных процессов, хотя и примитивных, однако гораздо более организованных, и которые являются результатом проективной идентификации в тело бессознательных фантазий о непереносимых свойствах самого себя и объекта, – наподобие тех, что Розенфельд называет при описании психосоматических процессов «психотическими островами» (Rosenfeld, 2001; Bronstein, 2014).

Бессознательная фантазия в аналитической ситуации

Сюзан Айзекс сделала важное замечание: бессознательные фантазии нельзя наблюдать непосредственно. Определить природу бессознательной фантазии можно по косвенным признакам, собирая сведения по частям, постепенно составляя представление о том, как та или иная фантазия отыгрывается в аналитической ситуации и как она действует.

Клинический случай

Г-жа С., юрист 43 лет, обратилась за анализом вследствие депрессии и панических атак. Она пережила череду близких симбиотических отношений различной степени сексуализации как с мужчинами, так и с женщинами, обрывая одни отношения, только чтобы вступить в другие. У г-жи С. были очень тесные отношения с матерью. Она была совершенно убеждена, будто всегда точно знает, что ее мать думает и чего хочет. Отец был скорее ускользающей фигурой, кем-то на расстоянии. Он, казалось, никогда особенно не интересовался ни ею, ни ее матерью. Обратиться ко мне пациентке посоветовал старый друг их семьи, г-н Д.

С самого начала анализа (который проходил пять раз в неделю) я отметила, что все ассоциации пациентки касались в основном ее внутренних переживаний. Часто она оставляла меня в полном неведении относительно того, что происходило в ее жизни. Ее речь изобиловала словами типа «что-то»: «что-то случилось по дороге на сеанс», «что-то несущественное, но я почувствовала себя беспомощной». Сообщив нечто подобное, она пускалась затем в описания смутных состояний своей души, создавая во мне ощущение, будто я должна собрать все свое внимание, чтобы представить, о чем она говорит. С. создавала атмосферу предвосхищения; я должна была следовать за нею, стараясь понять, что у нее на уме, что это за таинственный предмет или чувство, о котором она размышляет и который мне предстоит разгадать. Иногда она говорила настолько тихо, что мне приходилось делать усилие, чтобы ее услышать. Кроме того, иногда ее слова затягивались таким образом, что мне приходилось, опережая ее, додумыв-

вать конец фразы или следующее слово. Это ни разу не было озвучено, но неизменно достигало ожидаемого результата. Даже когда она начинала медленно рассказывать нечто более внятное о своих отношениях с другими, ее слова всегда производили на меня то же самое действие.

Г-жа С. редко приносила сны, но за несколько сеансов до того, о котором я напишу подробно, она сообщила сновидение. Я приведу его здесь, потому что вспомнила о нем во время сеанса:

Она в комнате, на столе немного печенья. Девочка (лет 12) входит в комнату, садится за стол и начинает говорить. Г-жа С. не помнит, что рассказывала девочка. Затем девочка сообщает, что голодна, и встает, чтобы уйти. Г-жа С. предлагает девочке взять печенье, но та не обращает внимания на ее слова и выходит из комнаты. Г-жа С. следует за ней. Девочка, по всей видимости, не сознает, что за ней следят. Г-жа С. следует за ней повсюду – куда девочка, туда и она. Начинается дождь, у девочки есть зонт, но она его не открывает. У нее намокают волосы, через некоторое время она снимает туфли. Она вступает в лужу, ее брюки немного намокают. (Здесь я уже не могла понять, кто намок – пациентка или девочка.) Г-жа С. продолжает следовать за ней. Затем девочка заходит в булочную, там очередь. Пациентка просыпается.

Ассоциации пациентки касались знакомой ей двенадцатилетней девочки. Она сообщает, что во сне могла тревожиться, что девочка не захочет уйти из комнаты.

Во время сеанса, за день до того, о котором пойдет речь, г-жа С. описывала эмоциональное переживание, которое мы смогли в итоге определить как сильную ревность, вызванную необходимостью делить мать, меня или любой другой дорогой ей объект с кем-то еще.

Сеанс проходит в понедельник; за неделю до него я сообщила пациентке, что вскоре уеду на неделю.

П.: [Дэн – ее муж – уехал в командировку в Америку на несколько дней.] Очень странно, утром просыпаешься, и не с кем поговорить. Очень странно! Он и раньше уезжал, но теперь я чувствую себя иначе. Очень тихо стало. Я заметила, что до того, как прийти сюда, ни с кем не говорила. Смешно, я не могу прекратить навязчиво думать о том, что я делаю по дому, как я ухаживаю за вещами в доме и за собой. Вчера, что бы я ни делала, было такое чувство, что он за мной наблюдает; он все время приходил мне в голову; например, я говорила ему: «Тебе нравится, что я делаю? Что бы ты почувствовал, если бы увидел, как я готовлю себе еду? Тебе нравится, как я сервирую стол? Еда хорошо выглядит? Ты доволен?» Я думаю, он бы расстроился, если бы увидел, что я небрежно сервирую стол. Это заставило меня ДЕЛАТЬ что-то для себя. [Она описывает, что она делала для себя, довольно туманным образом, в основном нечто связанное с уходом за телом.] Я думала, он будет рад, что я в хорошем состоянии. Мне никогда не приходило бы в голову готовить себе привлекательную еду. В этот раз такое чувство, будто он впервые уехал. Прежде, когда он уезжал на несколько дней, я забрасывала хозяйство и ничего не делала для себя. Сейчас я способна делать гораздо больше. Вечерами я обычно засыпала, не досмотрев фильм. Я не хотела бодрствовать. В эти дни я не чувствую себя уставшей или измученной, и мне удалось сделать многое из того, что я собиралась. И все это благодаря этой мысли: «Что бы ты хотел, чтобы я сделала для себя?»

[Пока она это рассказывает, мне приходит в голову, что она говорит так, будто он на самом деле рядом (и здесь тоже, на сеансе). Если изначально его никогда «не было» здесь и она не ощущала его отсутствия или скучала по нему, то теперь он присутствовал в таком виде,

который переживался как квазигаллюцинаторный опыт. Но я также сознаю, что ее вопросы обращены и ко мне тоже; похоже, ее муж и я стали взаимозаменяемыми.]

Теперь стало интересно, совсем по-другому! Теперь я воспринимаю всеми моими чувствами, что его нет дома. Интересно подумать, как долго я могу продержаться в таком состоянии? Он скоро возвращается...

[Пока она говорила, я передумала много мыслей: о сепарационной тревоге, о выходных, о необходимости для нее заботиться о себе и самой «готовить себе еду», когда я уеду на неделю. Но особенно сильно я ощущала желание сказать: «Молодец!» Будто она демонстрировала мне – ускользающему от нее и потенциально критически настроенному наблюдателю, – что старается как может. В этом усилии ощущалось нечто насильственное, нечто искусственное.]

А.: Я сказала, что она испытывает облегчение, так хорошо справляясь в отсутствие мужа. Может быть, она готовит себя к следующей неделе, когда меня не будет тоже.

П.: Во мне какой-то страх. Я думаю: насколько я завишу от Дэна и от вас? Трудно сказать, не знаю... Не знаю, что я чувствую по этому поводу... [она повторяет это на разные лады, как бы в растерянности]... Потому что он вернется, и вы вернетесь...

А.: [В этот момент я почувствовала, что это не о том, будет ли она скучать по мне или нет. Она хотела, чтобы я сказала ей, что она чувствует.] Я сказала: Может быть, вы теперь ждете от меня чего-то, что поможет вам понять, что вы должны чувствовать?

П.: Это понятно. Если я это от вас не услышу, если вы не скажете, это трудно будет понять и думать, будто я знаю, что вы думаете относительно того, что я должна чувствовать... Будто я не могу уловить... и доверять своим чувствам, если только я смогу их определить... пока я это с кем-то не сравню, я теряюсь. Я, сама по себе... недостаточно подтвердить мои чувства, чтобы они начали существовать. Потом я пойду встречаться с бухгалтером. По поводу денег, которые мне должны выплатить, но я не понимаю, почему управляющий компании хочет со мной встретиться. Моя подруга тоже ждала от них денег, но ей их просто сразу выплатили. Не понимаю, что они хотят, чувствую растерянность. И некого спросить!

[Я знаю, что деньги, которые она должна получить, предназначены для оплаты анализа.]

А.: Как будто вы не уверены, хотите ли проходить полноценный анализ. Вы спрашивали, можно ли приходить четыре раза в неделю. Теперь вы ждете, что я скажу, хочу ли я, чтобы вы приходили пять раз в неделю.

П.: Да, это похоже на то, как Дэн говорит: «Ты любишь поесть». И вы говорите мне: «Вам нужно проходить анализ, и не ради меня»... Это проходит через чьи-то чужие желания. Это не прямо я. Вначале было ясно, что я хотела анализа. Я была в отчаянии. Такого отчаяния больше нет, или оно выглядит иначе. Теперь мне страшно, что я вас могу потерять. В этом страхе снова отчаяние... [Она продолжает говорить о своих страхах: хочет она продолжать анализ или нет? Может, это ее отчаяние, оно вообще настоящее или нет? И т. п.]

[Я не могла уловить никакого страха в том, как она говорила, и по мере того как она продолжала говорить, оставляя пробелы между словами и следуя за моими интерпретациями, я почувствовала, что отошла от первоначального состояния повышенного внимания, следования за ней, предвосхищения ее слов, желания понять, что именно она хочет мне сообщить.

Теперь мне было дискомфортно. Я осознала, что делаю интерпретации, которые делала уже не раз, что я утратила состояние равномерно взвешенного внимания. Я чувствовала некоторую физическую отстраненность, будто я пыталась определить адекватную дистанцию. Ощущение физического дискомфорта заставило меня почувствовать неловкость, и я подумала, что оказалась в ловушке. Это как если бы я следовала за ней все время на близком расстоянии, стараясь определить, что она чувствует, и внезапно поняла, что заставляю себя делать это. Я аккуратно следовала за ее ассоциациями, но возникло ощущение, что все это было уже не раз и лишено смысла. И вот тут я вспомнила ее сон. Я почувствовала, что мне нужно немного отстраниться, и я восстановила необходимую дистанцию, то психическое пространство, в котором мне удобно работать, чтобы вновь обрести способность слушать ее и себя, – то, что мы называем «обретением третьего». Наверное, все эти мысли – мое молчание – заняли совсем мало времени, однако когда она заговорила, ее голос звучал встревоженно и очень испуганно. Ее страх казался настоящим, мучительным.]

П.: Я стала очень маленькой. Такое чувство, будто картины на стене теперь сильно отодвинулись и потолок сдвинулся. Он движется все выше и выше, он очень далеко.

[Это показалось мне понятным. То, что я перестала следовать за ней, произвело на нее сильное действие. Я вышла из-под власти чар, и она теперь испугана. Я сказала:]

А.: Вы внезапно почувствовали, что я стала далекой и отдельной от вас. Я перестала следовать за вами так, как вам этого хотелось. Это заставило вас почувствовать себя брошенной, испуганной, далекой и маленькой, как будто я совершенно потеряла связь с вами, эмоционально и физически.

П.: [Она заплакала. Я ощутила, что теперь она, несомненно, испытывает чувства.] Да, это так и работает. Это связано: быть отдельными, быть далеко друг от друга.

[Я чувствую, что совершенно пришла в себя и что мы с нею стараемся нечто сделать вместе.]

Пауза.

[Она выглядит смущенной. Я чувствую, что ей нелегко было мне это рассказать. Я подумала о девочке, которая соединяет своих родителей.]

А.: Значит, вы больше не одна. То, что я сказала, позволило вам почувствовать, что я все еще здесь, с вами, это сняло ваш страх, что вы не можете меня контролировать, позволило понять, что я не изменилась. Вы теперь благодарны мне и вы соединяете меня и г-на Д., превращаете нас в пару, будто соединяете своих родителей. Но вам также важно знать, что именно вы это делаете. Это успокаивает вас: между нами ничего не изменилось.

Обсуждение: о сенсорном опыте

...между восприятием реальности и всемогущественным замещением реальности фантазией идет долгий бой, и продвижение вперед в этом бою возможно только очень маленькими шагами...

Segal, 1990

На примере приведенного клинического случая я намерена показать, какие формы бессознательные фантазии принимают в течение сеанса и как они проявляются в отношениях переноса – контрпереноса. Мы также можем наблюдать здесь трансформацию форм символи-

ческого по мере того, как они появляются в материале пациентки: от потока ассоциаций к искажению восприятия реальности (размерности, пространства, расстояния, что можно было бы назвать трансформацией в галлюциноз) и к сновидению наяву. Сюда же можно отнести сон пациентки, который я вспомнила во время сеанса.

Сигал писала: «...действие инстинкта выражено и репрезентировано в психической жизни фантазией удовлетворения этого инстинкта соответствующим объектом... Поскольку инстинкты действуют с самого рождения, можно полагать, что некие примитивные фантазии существуют и действуют также с момента рождения» (Segal, 1964a, p. 191). Подобные примитивные фантазии образуются вследствие соматических и сенсорных ощущений младенца в тесном контакте с телом матери. Они продолжают существовать в виде телесных фантазий и получают выражение в нашей чувствительности к звукам, ритмам, физической дистанции от других или близости к ним, к чужому взгляду, к прикосновению. Они близко соотносятся с ощущением боли/удовольствия и безопасности/опасности.

Чтобы наполниться смыслом, процесс символизации должен находиться в тесном живом контакте с биологическими процессами, аффектами и чувствами (Barrett, 2011). В силу своих особенностей ранние телесные фантазии способны вызывать сильные ощущения в аналитике, привлекая наше внимание к примитивным бессознательным фантазиям, которые не могут быть интегрированы в протекающем одновременно с этим в аналитическом сеансе процессе символизации. При нормальном развитии подобные «психосоматические» ощущения присоединяются к символическому способу функционирования и окрашивают так или иначе манеру, в которой мы общаемся с другими. У некоторых пациентов, сильно подверженных действию ранней тревоги и проявляющихся в семиотической модальности телесных фантазий, подобные состояния могут смещаться относительно отражающего их символического дискурса. Таким образом, сенсорный и аффективный уровни коммуникации, которые Кляйн описывала как «воспоминания в ощущениях [memory in feelings – память в чувствах]¹³» (Klein, 1961, p. 318; 1975, p. 180), дают нам важный ключ к пониманию переживаемых и проявляющихся в сеансе фантазий и тревог.

Г-жа С. стремилась к симбиотическим отношениям, способным избавить ее от потенциального переживания отделенности от других и разлуки в целом. Будучи вынуждена осознать состояние разлуки, она воссоздала объект, который никуда не уехал (не уезжает), переживаемый ею псевдогаллюцинаторным образом. В зависимости от того, что она в него проецировала, объект в ее фантазии обретал разные черты: он мог играть роль суперэго и упрекать ее, бранить ее или нахваливать, но он должен был присутствовать постоянно и не имел права на собственную жизнь. Чтобы удерживать меня в своей фантазии как «хороший» объект, она должна была проецировать в меня себя и всегда иметь меня при себе, отказывая мне в свободе думать и вообще «быть» отдельным от нее объектом. Ее способ поддерживать со мной хорошие отношения состоял в том, чтобы удерживать меня в фантазии как идеализированный объект, слитый с нею во взаимной идентификации нарциссического типа.

В анализе описываемые мною явления отражались не только в манифестном содержании ассоциаций пациентки. Это выражалось скорее в манере ее речи, в том, как она вынуждала меня невольно следовать за нею – подобно тому, как она следовала за девочкой в своем сновидении: отслеживая каждый шаг, не спуская с нее глаз, замечая, что она переживает, представляя, о чем она думает, и т. п. При этом зрительное наблюдение, как оно представлено в ее сновидении, – «я слежу за ней» – преобразовалось путем смещения в слуховое – «я слушаю

---

¹³ «Когда такие превербальные переживания и фантазии оживают в ситуации переноса, они возникают, так сказать, как “воспоминание в ощущениях [память в чувствах]”, а затем восстанавливаются и называются словом с помощью аналитика. Таким же образом слова отыскиваются, когда мы реконструируем и описываем другие феномены, принадлежащие ранним периодам развития. На самом деле мы не можем перевести язык бессознательного в язык сознаваемого, не снабжая его словами, принадлежащими области нашего сознания» (Klein, 1975, p. 180).

ее». Ей было необходимо «слышать», что я следую за ней. Речь г-жи С. стала единственной возможностью поддерживать физический контакт со мной, поскольку следовать за нею меня вынуждало не столько содержание того, что она говорила, сколько ее специфическая манера пользоваться словами. По-моему, слова представляли для нее конкретные физические объекты, соединяющие ее тело с моим. Я чувствовала, что вынуждена следовать за нею, но не могла в действительности взаимодействовать с пациенткой, поскольку это означало бы признание различий между нами. В то же время она бессознательно контролировала точное безопасное для нее расстояние между нами. Когда я подвигалась ближе, она отдалялась, проецируя в меня свою нужду таким образом, что это становилось «моим желанием» и прихотью, чтобы она проходила у меня анализ. В первой части сеанса я эмпатически идентифицировалась с ее трудной ситуацией и ее потенциальным отчаянием, но думаю, что в какой-то момент поддалась ей и разыграла роль, которую, согласно ее ожиданиям, и должна была сыграть. Требование ко мне было: «если ты любишь меня, то будь со мной, но не как независимый и отдельный от меня объект». Однако когда я это проинтерпретировала, она приняла мою интерпретацию, не сказала «нет», согласилась с нею. Несмотря на то что в моей интерпретации содержался намек на ее переживания в переносе, она оказалась именно такой, какой ее ожидала услышать пациентка, и это не привело к инсайту. Я предложила ей печенье, от которых она отказалась, поскольку мы обе, так сказать, пытались отыскать идеальную булочную. Если бы я продолжила интерпретировать в этом направлении, между нами возникла бы идеальная гармония, но в анализе не было бы никакого движения. Мои слова стали для нее подтверждением сенсорного переживания единства со мной. В чем бы состояло такое единство? На переработанном, достаточно примитивном уровне понимания оно означало бы единственный способ достичь физической безопасности. Отчасти это включало бы желание быть любимой, стать моим идеальным объектом, вовлечь меня в заботу о ее теле всеми возможными способами, орально и визуально, чтобы я «ела ее глазами». Отчасти это означало бы ее желание удерживать контроль надо мною, с тем чтобы я оставалась безопасным объектом для нее. Если пациентка в своей бессознательной фантазии завладела мною, то можно полагать, это вызывало у нее тревогу, что я либо ненавижу ее и вследствие этого ее покину, либо попытаюсь силой в нее проникнуть. Как показывает история С., она заканчивала многие отношения, когда начинала испытывать в них клаустрофобическую тревогу.

Здесь кажется важным, что моя аналитическая функция оказалась практически отнятой, и в определенный момент, когда пациентка говорила: «Я была в отчаянии. Такого отчаяния больше нет, или оно выглядит иначе. Теперь мне страшно, что я вас могу потерять. В этом страхе снова отчаяние...», – я больше не могла следовать за нею. Думаю, я переживала нечто вроде чувства отчуждения; формально она говорила о чувствах, но ее речь выглядела пустой, лишенной чувств, была скорее имитацией эмоциональной связи между нами. Я, пожалуй, слишком сильно старалась свести воедино и осознать два разных владевших мною в тот момент переживания: стремление следовать за нею и понимать предполагаемый смысл ее слов – и стремление осознать воздействие на меня физических особенностей ее речи.

Разумеется, было бы лучше, если бы я поняла это сразу, однако я думаю, что мне было необходимо позволить сформироваться моему собственному сенсорному отклику, прежде чем я смогла полностью осознать, что происходит между нами. Как аналитики, мы часто принимаем проекции пациента, следуем за этими проекциями и интерпретируем их согласно полученному внутреннему состоянию. Мы втягиваемся в эти состояния и начинаем внутренне соответствовать защитной организации пациента (Сандлер называл это «ролевой отзывчивостью» – Sandler, 1976). Это неизбежный этап, предшествующий осознанию происходящего (Racker, 1957; Pick, 1985; Carpy, 1989; O'Shaughnessy, 1983, 1992; Feldman, 1994).

Наступил момент, когда я осознала свой контрперенос и задала себе вопрос: почему я чувствую себя настолько физически отстраненной? В этот момент я вернулась к своей анали-

тической роли, к возможности быть в двух состояниях одновременно: в контакте с проекциями пациентки и в осознании того воздействия, которое они на меня оказывают, – в контакте с переносом и с контрпереносом. Большое значение имеет то, что моя реакция проявилась и на физическом уровне – воспоминание о сновидении пациентки помогло мне восстановить свои психические функции и свою память.

Думаю, эти перемены во мне пациентка отследила на физическом уровне. Можно предположить, что изменение частоты моих интерпретаций также возымело действие. Но главное, мне кажется, то, что она почувствовала мое молчаливое психическое и физическое движение прочь от нее, восстановление моей аналитической позиции. В этот момент пациентка пережила некий особый опыт, непохожий на ее прежние переживания в течение сеанса: она *испытала страх*. У нее возникло физическое ощущение, будто потолок отодвигается и становится выше, что картины на стене оказываются дальше от нее (подобное, может быть, чувствует младенец в люльке, глядя на потолок). Мы не знаем, было ли это переживание повторением того, что она в действительности испытывала в прошлом. Однако то, к чему у нас есть доступ, – это ее восприятие контейнера/меня как кого-то, кто внезапно исчез, проявление бессознательной фантазии об объекте, который покидает ее и заставляет ее чувствовать себя маленькой, возможно, ввергает ее в пустоту, в «невыразимый ужас» [nameless dread]. Это переживалось ею как «пространственное» искажение, кинестетическая галлюцинация: двигалось не ее тело, но потолок и стены. Здесь уместно и нужно подчеркнуть значение понятия пространства в развитии концепции бессознательной фантазии у Кляйн (внутреннее пространство субъекта, внутреннее пространство объекта, пространство между объектами – Meltzer, 1975). *Под семиотической формой установления связи [с объектом] я понимаю такую, которая еще не достигла возможности формировать символическую эквивалентность. Я полагаю, что именно трансформация в галлюциноз способствовала созданию символической эквивалентности, которая, в свою очередь, придала большую связность и более «символическое» значение тревоге и изначально не имеющим формы «сомато-психотическим» ощущениям – по выражению Биона, – которые пациентка испытала в тот момент, когда я перестала за нею следовать.* Затем она подвергла объект расщеплению, спроецировав переживание угрожающего и покидающего ее аналитика в потолок и стены (тело и психика?), в то же время удерживая представление обо мне как помогающем аналитике, с которым можно продолжать разговаривать.

Думаю, моя интерпретация дала ей некоторое облегчение, снизила тревогу и привела к большей интеграции.

Сначала пациентка упоминает о своем желании смочь рассказать мне о том, что «закрывает ее сознание», а затем следует ее ассоциация: сон наяву о первичной сцене. Движение в сторону большей интеграции Эго привело к формированию сна наяву, близкого по смыслу к либидинальному исполнению желания, игнорирующему внешнюю реальность и конфликты – хотя и не полностью, судя по возникшему у пациентки переживанию стыда и ее способности мне о нем сообщить. Бессознательной оставалась ее потребность восстановить связь со мной, вернуться в искомое состояние безопасности. По моему мнению, это явилось защитной реакцией на переживание оставленности, но теперь оно стало более интегрированным и соединенным в ее представлении с первичной сценой. Несмотря на то что подобные сны наяву выполняют защитную функцию, мы видим в этом также работу воображения и некоторую связь зон внутреннего конфликта с Эдиповым комплексом. В этом сне наяву проявляется фантазия всемогущества: пациентка помещает себя в центр родительской пары, она держит руки родителей в своих руках, как бы заверяя меня в своей неиссякающей идеализации (особо важной для нее после того, как она почувствовала себя потерянной и оставленной мною); она контролирует меня и моего партнера, которого сама для меня выбрала. Это одновременно удовлетворяет ее гетеросексуальные и гомосексуальные желания и осуществляет репарацию. Также это помогает пациентке восстановить психическое равновесие – шаткое, поскольку приближается

окончание сеанса. Она больше не чувствует себя оставленной. Если в предыдущий момент она испытывала панику и отчаяние, не понимая, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.